

Надежда Венедиктова

**Вождение интелекта
к яблоку...**

Стихотворения

Абгосиздат
Сухум 2014

Венедиктова, Н. Ю.

В 29 Вождение интеллекта к яблоку... Стихотворения.

Абгосиздат. Сухум, 2014. – 200 с.

Расположенная на берегу моря, Абхазия всю свою историю была тесно связана с окружающими странами – от античной Древней Греции и средневековой Византии до современной России. Стихи Надежды Венедиктовой, выросшей и живущей в Сухуме, пропитаны культурной атмосферой этих многовековых связей – сухумский залив выступает одним из главных героев интеллектуальных игр автора с глубинными смыслами различных цивилизаций и постоянно изменяющимся человеческим сознанием.

* * *

В неистребимости есть ястреб и битва –
нога одиночества
досталась мне по наследству,
если в погоду можно влюбиться,
как в человека, который вносит
уединение в мрамор лестницы,
то искусство топтаться на месте,
не оставляя следов,
заслуга бабочки и ремесленника,
подставившего ей ладонь.
Внутренний всадник, порывистый
и замкнутый, как луна в девичестве,
привез из моей глубинки дары,
воздух и воду провинции,
вызвавшей мир на взаимную явь.
Приверженность солнца традициям
позволила мне отбояриться
от предложения – взять это утро в родители...

1988

* * *

Структура часа, прожитого мною –
на первом плане лица собеседников
и их умение оставить меж словами
пространство, как оставить с носом
вчерашний день во всей его красе
(в друзьях ценю беспечную отвагу
сражения со смыслом, этим делом
грешит и жизнь, когда она свободна
и возлагает лавры академии
на прелесть и открытый шарм дебоша);

чуть дальше зацветающим жасмином
стоит природная особенность и слева
ствол алычи, не сотвори себе кумира –
сейчас опасность эта очевидна,
окрестности посредством взгляда лепят
из вещества души моей лавину
слюнявого, смятенного восторга,
ведь в глубине аллеи,

где толпа
меняет тени с живостью гречанки,
идет жемчужная подсветка тона,
который постепенно уступает
вечерней жертве голубую часть;

в уме пишу письмо,
его соблазн
и мне дает возможность соблазниться –
порывистым изяществом строки
я признаюсь, что я теряю власть
над чувствами, что мне теперь сродни
и зябкость воздуха, и дрожь незрелой кисти,
и, в этом духе продолжая слог,
киваю собеседникам на шутку,
что всем затылкам мира повезло
рта не иметь и избежать кощунства;

рукою тереблю в кармане мелочь,
две-три пятнашки на звонок в Москву,
остатком можно поддержать коммерцию
кофейной братии, и в, общем, на плаву
до послезавтра можно продержаться,
когда зарплата высунет язык,
плюет на деньги истинный южанин
и Креза, словно Гамлета, разыгрывает;

все хорошо, когда совсем неплохо,
но я правительство себе или народ?
Не поднимусь с насиженного места,
пока не обойду себя, как площадь,
опрашивая всех своих сторонников.
учитывая значимость момента,

погода сохраняет равновесие
между заливом и береговой сумятицей –
я чувствую, жизнь хочет откровенничать
и от застенчивости тихо мямлит...

1988

* * *

Моя ночная репутация блестяща,
говорю об этом с откровенностью яблока –
висящую в воздухе звездную тяжесть
перерабатываю в настоящую
полную тяжесть падения в воду,
где фосфоресцирует мокрый воздух,
и можно лежать на спине, отражаясь
в небе с лукавством сатира и нимфы,
с берега пахнет ставридою жареной
и прошлогодним красным вином,
кто-то пирует, а я фланирую
в позе спящего, вояж одиночества
в страну беззащитности и служения,
где красоте поклоняются молча,
как внезапно оглохшей женщине,
и молчание во рту, как смоква,
движется звезда, темная, завтрашняя,
еще невидимая пространству,
и поверхностью моря ведется запись
происходящего, мерцает праведник,
пролетающий мимо, видно, торопится,
за ним второй,
и здесь нет покоя от спешки, даже смешно,
но сдерживаюсь – и захлебнуться можно,

тишина до печенок, и лишь иногда доносятся
голоса, бывает же хорошо до крамольного
отчаянного желания помереть и увидеть
мир изнутри, в нагое отрицания,
где ночь посредине пустыни, как львица,
сторожит детеныша – оттиск моего лица...

* * *

Конец декабря.

Византийские позы приезжих
основали на берегу порядок
подчинения воздуху в целом. И если
привлекательность молодых мужчин
еще что-то значит для девушки, варящей кофе,
то цивилизация не зря сочтена
из водопроводных кранов на улице Лакоба.
В очереди за новогодними игрушками
обсуждают несостоявшееся землетрясение –
если, говорит, мой дом обрушится,
жить перейду в черноморский бассейн,
остальные поддакивают его оптимизму
и следят за тем, чтоб не лезли без очереди,
одинокая пальма взяла на себя благородную

миссию

вывести город из быта и теперь одинока не очень.
Художники восседают на «Амре», как истинные
бездельники, джентльмены удачи,
их души блуждают, как кошки, в таинственном
зыбком городе обладания
тенью как собственностью и поводом к лени,
преобразующей восток в удовольствие

быть анахоретом пятна и сумрачным пленником
власти, лепящей тебя, как из воска.

Залив застенчив и делится пасмурным блеском,
домашние новости воскурятся к небу,
конец декабря, как горячее молоко, полезен,
и его заменить абсолютно нечем...

* * *

Арде Инал-Ипа

Утаившие пядь знакомства,
отступили еще на полшага,
уточняя дистанцию,

как в тумане цветущие ирисы,
и все шло своим чередом – по закону
застенчивости, когда с грацией чисто кошачьей
выгибают спину, как загнанную внутрь исповедь.

И от улицы потянуло вечером и портретами
в темных одеждах, с тщательно выписанными
руками, будто невидимая галерея сгорела
и оставила атмосферу, смутную, успокаивающую.

Пробило восемь для тех, кто этого дожидался,
но мы-то знали, что до восьми, как до встречи с
ангелом –
действительность слишком нежная и молодая,
чтоб угнаться за ходом времени. Все это набело

проговаривал внутренний голос сумерек.
Тишина подмышками отмечалась, как юбилей Толстого,
И все, что от нас ускользало совместно с сутью,
Возвращалось с запада очертаниями востока...

* * *

Мне не хотелось продолжать беседу,
звезда упала в середину слова
и разделила надвое. Суббота опережала
воскресенье
на сутки, но такая спешка
лишь забавляла, все это могло бы
стать фоном разговора, но успеха
добилась тень летучей мыши,
мелькнувшей под высоким фонарем –
пространство углубилось, как умыться
прошел бы в глубь террасы сторож сада,
безмолвие провисло, как веревка,
и в такт походке сумрачных красавиц
вечерний быт цитировал Сапфо,
серьезность наших вздохов потрясала,
из полутьмы тянуло полумглою,
сбивая, словно кегли, встречи света
с лицом, которым наводили фокус
изображения – суть обтекала лотос
и скапливалась в раковине ветра,
мы были далеки от горизонта,
но зажигали спичку для него,
чтоб стрелкою тристана и изольды
направить ночь в любовную неволю
и удалиться на покой, болтая
о пустяках, которым нет цены...

* * *

В естественных условиях кофейни
лицо напротив, как этюд к картине,
скользящей в сумерках рождением профессии
из пены, как богиня, что простительно
не только всем пластам отождествления,
но и заливу как бродяге и свидетелю
беседы о необходимости полемики
с собою и привычкой быть одетыми
во вкусе окружающих, не стоит
ссылаться на законы и на облако –
над столиками шествует простое
и держат за руку фигурку осени...

1988

* * *

Год кипарисового плена
и легких вздохов от избытка счастья,
на всех стволах весомые печати
чудесных изнуряющих явлений.

Открыта дверь, и в комнате прохладно,
из сада поступает стойкий запах
цветов, бегущих целый день на запад
к закату, вестнику ночной эллады.

И смех богов, и шалопайство лета,
от нежности поспятили с ума
потоки ослепительного света,
среди деревьев зреет кутерьма

объятий, превращений и соблазнов,
в прыжках цикад томительный восторг,
и жест любви, смиренный и простой,
над этим буйством жизни полновластен.

1983

* * *

Вернувшись из Москвы к заливу и привычкам
сухумского цветного бытия,
снимаю обувь, становясь чуть выше,
и шлепаю на пляж, где за трояк
шашлык, мороженое, чашку кофе
берут курортники,
я оставляю им
земные радости и завожу знакомство
с шезлонгом.

Можно просидеть весь год
и созерцать реальность за двоих,
но мне еще весь год не удавалось –
всегда мешает жизнь, она, как гость,
приходит, требует вниманья, в вазу
втыкает розу, гонит суету, как пену,
на мой песок. Нам нужно б параллельно
существовать –

жизнь обретает лоск,
восходит к кульминации, трепещет
в музеях, рыщет истину, как лев,
а я молчу и летнее тепло
сопровожаю в поисках отметин
недавнего присутствия: другое
неуловимо, как всегда, но между

им и его значением торговля
за право первенства, и в этот спор
я, как в расселину, вставляю пальцы:
 действительность за бедрами купальщиц
 сейчас не различает горизонт,
 сужу об этом по соседским взглядам,
 у всех свои проблемы, свой форпост,
 и общее идет через мазок –
быть может, хоть сегодня повезет,
и то, что нас сопровождает всюду,
как отражение в воде, как черный плеск
случившегося, как бумеранг и сюр,
как пущенный юлою плен,
как смех гортанный за углом и впредь,
как пыльный шлейф между окном и дверью,
как ускользающий портрет
необернувшегося интроверта,
как виноград в пустынной мгле,
мелькнет так явственно, что все мои догадки
растают в воздухе, и новый блеф
покажется мне юными богами...

* * *

Дождь в кипарисы, две ступени вниз,
из влажной глины вылеплен остаток
пути до дома, где сегодня снилось,
что дождь идет. Погода нас листает,
как справочник по сумеркам и встречам.
Я не хочу сказать, что дождь пошел
лишь потому, что мне хотелось опереться
на вашу руку, но внезапный шорох
спугнул мгновенье. Нет, гораздо глубже
причины вод, и все-таки мне снилась
моя тоска, и по огромной луже
шел дождь, как вброд, переходя границы
реальности...

* * *

Голова трещит, как последняя сволочь,
мигрень, январское солнце, отсутствие близких,
по утрам ныряю в холодную воду
(+8 и волны), по вечерам забываю о лицах.
Страна раздает населению яблоки демократии.
Грустной истории, в которой я существую, нет конца,
потому что влюбленность, как розовый враг,
бросающий к нашим ногам цветы, пронизательна
и владеет полем сражения, тысяча всяких причин
претендует и властвует, и одиночество
тоже, то есть любая поза звучит,
даже если уходишь в ночь
с единственной целью – тосковать о свободе
как осознанной необходимости смеха
над собой, чтоб не сбондить
раньше времени, самый верный метод,
особенно, если линия жизни стекает с ладони,
оставляя долину нескромного эха и рукопожатий,
не зря мой самый любимый танец пассадобль –
его танцуют как страсть в ореоле пожалуйста.
Я опять в растерянности и ночной соломенной шляпе,
что осталась от лета, как письмо монашенки к Абельяру,
очень много всего,
и жизни, и странствий, и прессы,
чересчур все полезно и интересно...

1990

* * *

По ночам,
когда большие неподвижные жуки
лежат на дорожках,
выходят на прогулку те,
кто хочет побыть наедине с собой...
они ступают бесшумно
и не задевают веток,
а сверху им светят души
тех, кто гуляет по небу
и изредка роняет в воду
одну из своих сандалий –
и мы молча смотрим на это,
борясь с красотой
и отрицая собственное участие...
только пространство над заливом
слегка утоляет смятение,
и все равно мы судорожно зеваем,
как будто нам не хватает жизни...

1980

На берегу Малой Рицы

Кейф, уходящий в кайф, и с чувственной тоскою
стираешь одиночество с воды,
как превращаешь постепенно комплекс
неполноценности в предутреннюю дымку
над озером.

А отраженья елок
почти похожи на мерцающую блажь
отшельника, который водоемом
отводит искушения. Баланс
неустрашим. Иллюзии нетленны
и освещают путь.

Купаясь до озноба,
не сразу ощущаешь, что дилемма
и есть та самая искомая основа,
которая позволит быть собой –
на двух ногах лицо цивилизации,
качели возглавляют тот разбой,
которым жизнь на завтрак
чай с булочкой и прозу горизонта.
Вода пресна, а озеро овално,
льет вечность, как бездонный эпизод,
блестит на коже солнечная вакса,
как продолженье языка эзопова...

1990

* * *

Скульптурно оформленная личная жизнь –
поза раскованного созерцания
в надежде на сумрак и неожиданность;
усталость поджала ногу, как цапля;
прошлое в виде акрополя с
чередой ясных и пасмурных дней,
из которых, как нежное эхо-пропасть,
сиреновой раковиной прет энергия;

вечер мы провели, как клятву Горацийев –
стоя, в разгаре великолепного жеста,
и темнота с чисто кошачьей грацией
обводила нас, как черный прожектор;

принимаю знаки внимания от собеседника,
отвечаю толпой обольстительных кариатид,
державших взгляд его, как воду – бассейн,
и размножающих в воздухе яблочный архетип.

И куда ни толкнись, везде скульптурная мастерская.
Проскользнуть просто так, без объема и формы,
нельзя –
мир материален, словно нужно пощупать руками.
Короче, и здебсь ты себе не хозяин,
а просто выставлен напоказ...

1990

* * *

Потерпев задумчивость, как кораблекрушение,
несколько дней уже не могу на улицу выйти,
тишина просвечивает и хорошеет,
и мое молчание в ней, как выступ;
если комнату взять как жест постороннего,
что я делаю здесь и с какого боку,
и мое присутствие тем огромнее,
чем одиночества в ней все больше –
на холмах сухумских ночь и влажное эхо
неподвижного даже на чуткий слух залива,
темнота раскрывается от силуэта
к поглощающей чаше, и великий
гость – мое полное чистое «я» –
замирает, как зверь при встрече с неведомым,
мы лицом к лицу, реальность и явь,
как дыхание против местного ветра,
вожделение интеллекта к яблоку
обнаженнее, чем тела любовников,
темнота добавляет яркость
растворяющей стены свободе,
и снаружи оставшийся взгляд глазеет
на плывущую, как кувшинка, основу,
поражаясь, как черному зеркалу,
уникальности одиночества...

1990

* * *

Кипарис и лавровишня овладели этим садом,
он заброшен и отпущен на четыре стороны,
в нем сижу, как часть фасада
некогда роскошной жизни, и немею от луны –
господин моих волнений, госпожа моих скитаний,
он-она сияет, словно обалдела от меня –
ей мое лицо, как солнце, ей моя ступня, как тайна,
любование взаимно, обладание роняет
нас в объятия друг друга, ночь смеется и молчит –
от ее молчанья веет гулким холодом фонтана,
виноградным сумасбродством и неясностью причин,
но ее я обольщаю четким профилем Тристана,
что в душе моей таится, как колодец и печаль –
что любовь исходит смертью, это знают попугаи,
только эта смерть открыта и цветет, ее свеча
на моем колене тает,

от самой себя сбегая...

1995

* * *

Когда ты превращаешься в легенду,
то оставляешь за собою вход –
ночные бдения все так же офигенны,
но обрели бессмертие и привкус
лимона, срезанного в час луны;
сочнее легкомыслие, и холод
предутреннего ветра мил, как пристань,
с которой ты бутылку бросаешь в воду,
но не с запиской, а с сознанием вины.
Теперь к тебе приходят не по делу,
а вызывать из кактуса на волю
дух инки или свертывать идею
в тот звук, что исторгает из стены
стакан, разбитый не на счастье, а на способ
общения; когда же не приходят,
то начинаешь не с собою спорить,
а с истиной,

что обросла не мхом,
а человеческой привычкой ныть...

1998

* * *

На губах моих светятся поцелуи,
на губах моих полдень и зной,
а в тени кипариса сквозит полнолуние –
ночь стремительно спорит со мной!

Эта ночь, золотистая, как апельсины
и как юные плечи в разгаре июля,
пригвоздила нас к травам и провозгласила,
что к лицу ей полдневные поцелуи!

1985

* * *

Как я могу уйти,
не насладившись твоей душой,
не выведав хотя бы часть ее секретов,
дождь льет в окно, как в озеро, плащом
накроюсь и останусь, мы так редко
бываем вместе и наедине –
нет повести печальнее на свете,
чем повесть о любви, так долго не
случающейся и так откровенно
с дождем стучащей по моей ладони:
да-да, войдите, здесь, на побережье,
уже апрель, и запахи бездомны,
и вглубь ушли, как стадо коз, деревья...

1988

* * *

Жизнь кончилась, и дождь пошел.
Такое совпадение смягчило блеск ситуации,
как будто нагишом
явилась гегелевская триада,
и зелень проступила за решеткой
сада, подсвечивая тротуар.
Две пальмы высились, как зонтики в натуре.
Повеситься на пальме – не абсурд,
но глупость, как войти без стука
на улицу – как контуры рисунка,
переходящего в поступок
на грани сумерек...

1990

* * *

Тот смех завис, как барельеф над нишей,
и в тишине уютом торговали
те, что успели на ступеньку ниже
спуститься, в их глазах, как в Азии,
пресекались нити, и томило
желание ниспровергать кумиров,
как опоздавших на свиданье с шуткой,
в которой доля истины, как снег,
вчера скрывавший тротуар бесшумно,
а ныне тающий на внутренней стене.
И зеркало, в котором мы похожи
на апельсин, очищенный небрежно,
ушло из дома ощупью прохожих,
вбирая сумрак, словно мрак и древность,
но мне от этого не стало легче,
и продолжение делило ложе
с нагретым воздухом и пальмовою лептой,
которой в этих случаях положено
быть ветвью, но она было тропюю,
нехоженною и заросшей в усмерть,
берущей шаг и взгляд, как пошлину
за монолог, произнесенный устно,
хотя его не существует вовсе,
и мысль тоскует на ветру, как лужа,
в которую садишься поневоле,
когда берешь займы у полнолуны...

1989

* * *

Напита́й меня своей тоскою,
сумрачной и полной торжества,
летний день, как сумерки покоя,
празднует столетняя трава.

Город замер, и в полдневных звуках
слышен голос истины и снов,
над заливом ангелы разлуки
вновь навьючили своих ослов.

Город, солнце, яркий свет печали,
хлынувшей сквозь зной к моим плеча,
я уже давно не сплю ночами,
я скорблю, как звезды, по ночам.

Боль моя, ты, как жасмин цветущий,
напоила воздух и листву,
из души, как из нависшей тучи,
молнии шагают к торжеству.

1983

Автопортрет, 1988

Отделиться, выступить из жизни,
как статуя из стены –

песок, постоянство деревьев
снимает усталость дневного промысла,
и побережье движется, как настроение
задумавшегося в тени человека,
смуглый златоуст
с огромными, как бабочка, глазами
приносит азбуку из ежевичных ягод,
он разнообразен – каждый день что-то новое,
но неуловимое раздирает нутро
и опять ускользает,
оседлав разбег и подробности
внутреннего дыхания,
в клубке пространства, его холмах и долинах,
черные кони
пьют холодную , как осень, воду
с отражением мошканы и кустарников;
разложив собеседника на небо,
движение, завтрак, зов пастуха,
детство, театр, влюбленность
и множество других чудесных вещей,

смотришь, как он единством лица и характера
проявляется в воздухе,
пурпурные флоксы, сверкают, как леди,
и гибкий в талии хлюст
с перламутровым затылком
говорит:

«Я вам покажу Кавказ любви и задумчивости»,
обрывки бесед, как гроздь,
свисают с арок и фонарей,
слишком много истины
в этом стакане какао,
как государства в одном человеке;

тебя пытаются обуздать –
уходящая в бог стрела горизонта,
срезающая взгляд у его основания,
и судьба вмещает всего лишь одну
пронизанную страстями жизнь,
от названий своих сбегает вещи,
в их толпе затеряться, что в стоге сена,
пусть охотится потом биография
за моей головой,
как петух за утром средневековья;

из окна бросают пахучие влажные травы,
иногда донесется смех, и письмо напишут,
над которым я просижу полдня
в кипарисовой роще,

от любви задыхаясь и пытаюсь понять,
что же там происходит –
сколько их в неприступном сумраке дома,
и зачем под покровом одежд разгорались дороги,
будоража окрестную пыль знакомством и далью,
там звезда редактирует быт и целует в плечо
уставших,

у молчания лица сестер над колодцем,
там ночуют бродяги у ног безбородого старца,
и пространство висит над заливом,
как одиночество над ладонью...

* * *

Смеющиеся виноградины
стреляют в небо,
и белые размашистые жесты
онтологического статуса людского
дерзки до невозможности,
в четверг

 преисполняешься любви
к воздушным неожиданностям лета,
идешь тропой могучего безделья,
встречаешь кипарисы и знакомых –
выламываешь человека
из существующих условий, как глыбу мрамора,
и втягиваешь в состызанье
за вескую культуру общения с собой;
в который раз я возвожу
в достоинство действительности
все то, что в этом не нуждается,
но если бы мы не утверждали друг друга,
что было бы причиной бытия?

1985

Женщина-полдень

От угла до другого угла – четыре метра,
старый балкон нависает над городом и гудит
еле слышно от солнечного ветра –
яркий свет поглощает бетон и бигуди,
облегающие, как бугорчатый шлем Ахилла,
голову пожилой брюнетки –
лежа в кресле, она зевает между Сциллой
и Харибдой, теребит в кармане монетки
и уходит в вечность, своей соседке
по этажу и привычке видеть небо
без прикрас – его суть бездонна.
Ничего не поделаешь – больше не с кем
полдень делить, как ложе с мужем,
она одна, молчаливая примадонна,
поющая сердцем и задницей в луже,
где сидит уже более полвека,
не считая детства, когда из полдня
можно было выбежать в себя
и вернуться обратно – но не человеком,
а двуногим счастьем...
Почесав запястье, она уснула,
темные веки сомкнули солнце,
и взгляд остался снаружи –
так оставляют у входа коня и оружие...

2013

* * *

Структура дней прекрасна и нетленна,
я предаюсь свободе от стихов –
моя эстетика исчерпана, как лето,
и отступила в тень, как древний хор.

Сейчас сплету из диких трав венок
и вдаль метну благоуханный диск,
причисленное к вечности звено –
мой вестник, мчащий впереди...

1980

* * *

В итальянских хрониках Стендаля
нет ни одного дождя,
только ночь и солнце, тяготы свиданий,
на которых знатные бродяги,
стоя под окном, упрашивают дам
оказать им милость, лишку колорита,
мрак средневековья с темно-красным шелком,
если вдруг забыться и с балконов Рима
уронить прохожим под ноги судьбу,
чтоб по ней хоть кто-нибудь босиком прошелся
и унес на пятках отпечаток будущего...

1988

Прогулка в одиночестве

Борьба за свою самобытность продолжалась во время прогулки –
Жак Ланг и прочее в масштабе один к цивилизации,
если Рим спасли белоснежные гуси,
в нашем случае за собою ведет пейзаж:
кипарис, поворот к воде, песок, как идиллия для педантов,
в авторской версии происходящего
одиночество, как свидание
регулярного стука с клювом дятла –
отовсюду сходятся «я» для поддержки индивидуальности,
строится башня, многоязычие достигает нормы,
все это строго материально
и с учетом классического канона,
на ажурный просвет проверяется прочность позы,
побережье хранит насмешливое молчанье
и берет с моих усилий ночную пошлину,
я горю обособленно, как свеча,
правда, без участия кислорода,
наслаждаясь прохладой и темнотой;
видимо, самобытность и бог такого же роста,
как мое желание угодить вселенной в тон.

Все-таки я предпочитаю систему
даже в том, как спроецировать хаос на воду,
по которой сейчас я пойду, как искренний льстец,
оказавшийся наконец на воле –
то мое. Что является сутью и ядром,
совершает прогулку в дерзком нагом проявлении,
то есть в данный момент я отвергаю все, кроме
самого процесса лепки...

1990

Тоскливое, в дождь

Набоков пошляк, но изысканный стайер,
Солженицын не очень умен, но большой
гражданин.

Иосиф заткнул их обоих в классический тапок
размера сорок один.

Скуотища везде – и здесь, и в загранке.
Хорошо лишь там, где нас никогда не будет.
Натянув действительность на подрамник,
Открываешь новую разновидность табу.

Капли падают, как весталки в обморок
при виде очень голого мужика,
кое-что из того, что я знаю по опыту,
помогает ловить дождливый кайф –

влажность тянет резину и прочую живность,
муравьи облепили балконную дверь,
позволяю себе чихнуть и сдирижировать
столкновение скепсиса и веры,

видимость метров тридцать, не более,
но, во внутренний взгляд заходя, как в вагон,
видишь четкую анфиладу боя,
где друзей принимают за красивых врагов...

1990

* * *

С точки зрения литературного немецкого языка
(реминисценции по Гессе, как страсти по Иоанну),
обычный сухумский полдень надменен и свысока
смотрит на непосвященных, как арка
на поверхность залива,
расходящуюся от камня.

Ничего не происходит, и в этом суть.
Совершенство съедает события, как диктует
полноту бытия в разгаре присутствия
и чарующую атмосферу поступка,
неподвижного, как фонтан на весу
своего движения.

Кофепитие, флирт
и жара – триединая формула бога.
И душа распускает свой хвост, как павлин
на странице альбома.

Вглубь идет не толпа, а скользящие краски июля,
фотография – блеск – наслаждение – поза,
воспитание чувств признается де-юре,
а де-факто процесс еще не опознан...

1990

* * *

Помешайтесь на справедливости
и спуститесь в сад,
где живут родственники
и остальное человечество –
раздайте им виноградную гроздь,
и возможности внутренних решений
вызовут приступы человеческого величия,
паломники лета
выйдут навстречу,
неистовое дыхание
кипариса
в роли предсказателя,
и желтое пальмовое вино
прольется в воздухе...

1980

* * *

Полторы недели тоски и блаженства
В незнакомом городе.

И безделья по горло.
Результат разливается, как желчь
у надменного гостя.
Пыль, следы и собачья покорность, которая
отменяет судьбу, как пустую риторику.
Я в тени обстоятельств, упавших на голову,
как корона, надетая на макушку голого,
ожидая и прячусь. Потом отрабатываю
все углы и нервности, как акробат.

У огромного зеркала нет отражения,
хотя все эти дни я торчу перед ним и кривляюсь,
окружающая среда как жертва
аховой кляузы.

Я пытаюсь забыть и очистить свой дух от обиды,
призываю на помощь античность и прочую
древность,
марафон – это бег, когда нежность смывает битву,
как подходят с ковриком к минарету
или в пустыне осваивают тире...

Человеческий опыт положен в основу гримасы –
я смотрю и не вижу, значит, еще не настигло
великодушие (или еще не готова бумага),
и идти не хочется от инстинкта...

1990

Любовные прогулки

Поэма

Евгении Власовой

Глава первая

... но что мне делать,
если в темноте,
по-городскому знойной и неполной,
перебивая запах олеандра,
неслись неистовые голоса
влюбленных, любящих
и признающих ночь прекраснейшей порою –

сначала ломкий голос прозвучал,
заставив быть внимательней к движенью
ночного воздуха:

«Как странно, что вы есть,
вы недосказаны, как куст лимона
и оглянувшиеся на дороге кони,
и так пленительны,
когда отказываете в поцелую,
что я теряю голову
и выхожу на берег,

где никогда вы не были,
хотя я иногда таскаю вас с собой,
доказывая вам, что горизонт – тире
между моим рождением и смертью,
что бесконечность льнет к моим губам,
совсем, как вы, когда вы все-таки целуете,
и вы смеетесь, не подозревая,
что этот вздор я говорю затем,
чтобы вам снова захотелось снять одежды,
и вообще, черт возьми,
когда я наконец увижу вас...»

Потом донесся жаркий смелый шепот
из улочки, направленно, как флейта,
к заливу, чтобы вторить кораблям:

«Я умирала от любви и мысли,
Что до твоих объятий меньше суток,
И цвел шиповник у тебя под мышкой,
Как в гроте, где вода и сумрак».

Шел маленький старик, весь в белом,
и гордою посадкой головы
свидетельствовал всем,

Что он любим,
а рядом, в мелкой подсыхающей канаве,
морщинистые от жары лягушки
кружком сидели и в сверкающее небо
бросали пыльные бессонные призывы,

и в круговой поруке их томленья
бродил июльский дух,
беспечный, многоликий обольститель,
мозолистыми пятками вбивая
в их плоть окрестности и шум толпы,
смешавшей в суете своих хождений
зенит обедов с зеленью и перцем,
азарт и беспощадность солнцепека
и бремя прочного, как смех, безделья...

На пороге дома и своих 14-ти
замерла темноглазая девочка,
еще немного –
скрип двери и дорожная пыль на щиколотках,
и ей удастся смертельно влюбиться,
до отсутствия дыхания,
в статую, животное, звезду, человека,
в неуловимое и торжествующее.

Разошлись последние завсегдатаи, и она закрыла
кофейню, подмела под столиками, долго мыла
руки и шею, прислушиваясь к шагам прохожих, и
мелкую мелочь, оставшуюся от щедрых клиентов,
небрежно сгребла в карман. Потом она шла по
освещенному берегу, кивая знакомым, встречала
взгляды, в которых тяжелый бык рыл землю, и
тугим движением бедра лепила цивилизацию по

своему образу и подобию, как демиург, уставший от неудачи пришедший к самому простому решению.

Сидел на выступающем балконе,
сжав голову, забывший о покое –
он погружался мыслью в красоту,
надеясь обуздать свое смятение,
но знаменитое двестишие Катулла
ему повсюду преграждало путь,
отбрасывая замкнутые тени,
и на замшелый пол упала ветка,
в которой прятал он прикосновение ветра,
вчера встречавшего ее у этих стен.

А под балконом
прогуливался плотный, лысоватый,
в домашних тапочках,
чуть сонный гражданин,
бранящий духоту,
и крался за ним
час исполнения супружеских обязанностей.

Две сестры, старшая в возрасте увядающей кожи
и походки, тяготеющей к фамильной степенности,
и младшая, в волосах роза, ярко-пунцовая днем,
а сейчас почти незаметная, приближаются к
самшитовой роще, они говорят о своих семьях, две
путешественницы, отвага которых золотит ресницы,

осторожно ступают они по мосту недомолвок и
иносказаний, пытаюсь нащупать общее и скрыть
страх перед неведомым, проступающим в блеске
кухонной посуды; с удивлением замечают они,
что беседа их благоухает, кроткие знаки зодиака
царапают ладони, и каждая предсказывает другой
то, что ускользает в шорохе листьев.

На площади,
ближе к городской башне с часами,
он созерцал
благородное сияние своего облика
вокруг фонарей,
на спине проходящей женщины
написал секрет долголетия,
в жестких стрелах конского щавеля
зашифровал полет повседневной мысли,
а потом вернулся домой,
пожелал семье крепкого сна,
на столе его ждали стакан молока
и письмо от родственников,
он отпил глоток и подошел к зеркалу –
там отразилась башня с часами.

Они стояли, медля расстаться,
в молчании он нашел прибежище
и обживал в нем поле за полем,
она отставала и, чтобы он понял,

чуть слышным вздохом послала в небо
надкусанную, как яблоко, нежность,
и темноту обожгли слова:
«Я постоянно целую вас...»

Четвертую, самую длинную ночь, ночь она проводила у ног покойника, тишина вытесняла ее мертвое тело мужа из комнаты, она держалась одною рукою за стул, другой – за его ступню, наконец ей стало невмоготу, она позвала детей, и они вынесли тело в сад, в середину, подальше от глаз соседей. Она сорвала пучок травы у изгороди и положила к его лицу. Далекий собачий лай, как ступени, вел ее все выше, она обернулась, и его тело показалось ей таким маленьким, что она не поверила в их принадлежность одной ночи.

Кто,
луна или месяц,
мужчина или женщина,
смотрит в твое окно так пристально,
что лоб и щеки твои бледнеют
от влюбленности и восторга,
торопись,
по крышам промчалась полночь,
черная, молодая, в обществе звезд и
любовников,

и кипарис с лицом юноши
бросил ей вслед горячую дерзость,
от которой у женщин подгибаются колени...

В зарослях барбариса
он разместил
нестерпимо слепящие фрески суда над собой –
жадно следил он со стороны,
как душа его бродит в глубине этих сцен,
«я же мокрый, как мышь», – шептал он, –
если б я знал»;
сзади, амфитеатром расположились
сотни и тысячи строгих незнакомцев,
с их появлением душа забыла о нем,
она была полновластной хозяйкою фресок,
и ее мастерство потрясало ряды
искушенных зрителей,
в изнеможении он уснул,
уткнувшись в корни кустарника,
и душа указывала на него,
как на достоверное свидетельство.

На набережной ссорились двое, уязвленные
обоюдной ревностью, она ударила его, как
будто истина таилась в пощечине, он вскипел, но
подоспевшие друзья крикнули, что жизнь прекрасна,
широкоплечие, с крепкими ногами, стояли они

перед ним, пританцовывая от избытка здоровья, он расхохотался и гордо ответил, что четыре времени года боролись за обладание ее красотой. Она отошла от них, потому что их было слишком много, слишком много мира в мужском обличье, но они решили, что она хочет пройтись по свежему воздуху, и составили ей компанию, оживленно задирая прохожих.

На белоснежном скакуне
проехал,
на миг собою заслонив
кирпичный дом с чугунною оградой,
высокий всадник, защищавший берег
чуть более пяти веков назад,
его отвага сохранялась в воздухе
все это время, старики шептали детям
его слова перед лицом врага,
его осанка воина сквозила
в рельефе окружающих холмов;
проехал, и двенадцать девственниц
во сне зачали и родили сыновей,
могучих, рослых, совершивших подвиги
и жертвенно погибших за свободу.

Она дотронулась до лозы, теплая, шершавая,
движение руки – жест, движение глаз – взгляд,

движение души – ..., она усмехнулась, сравнила свое невежество с растением; облокотилась на перила и долго смотрела на город, сбегаящий к морю, темнота будоражила и таила в себе недозволенное, как кровосмесительные браки древности; затухающие звуки набережной, свисающие с балконов душистые венки и похищение сердец, жизнь в пределах одного объёма, молодой красавец со списком побед, миф об уходящих и возвращающихся влечениях, знойные формы общественного признания, таинство жизни твоего соседа. Она потянулась, и ночная влага, идущая с гор, стала ощутимее.

Грозно, празднично, исступленно
принимала земля в свое лоно
эту ночь истомившихся трав,
и две рыбы в старом фонтане
на луну неотрывно смотрели,
на деревьях пылала кора,
излучая легенды столетий,
и, как факелы, мчались в атаку
души мошек, тропинок и рек,
небо шло безошибочным следом,
догоняя чудесную мысль
о возможности в каждом дыхании
отыскать тот единственный смысл,
о котором я сейчас говорю,

глядя на залив, чтобы сосредоточиться,
а собеседники нетерпеливо меня
перебивают...

Глава 5

Отдаться страсти и покинуть дом,
лежать на перекрестках вспышкой зноя,
метаться в поисках ее следов,
которые по городу разносятся,
и плакать яростью и нежностью, устав,
касаться только отражения в воде,
когда, склонившись над перилами моста,
она собою продолжает день.
Что горше истомленного молчания,
в котором свет отказа обнажил
эпоху, камни и само начало,
как запахи, вбирающее жизнь –
когда-нибудь пытались вы помочь
отчаявшемуся без меры:
ночь, ветер у лиц а и путь прямой
к тому, что не умеешь –
наполнить смыслом и дыханьем боль,
вступить обоим в очищающее пламя
и доказать, как дважды два, любовь –
неисчезающее благо.

Мы плакали, отсчитывая ночь
по вздохам, и плечом к плечу
встречали скорбь, взошедшую с луной,
и лишь под утро нас постигло чудо –
открылось неба в каждом из событий,
плоть осмелела до единства с духом,
и щедрость воздуха была, как голубые
глаза садовника, однажды призадумавшегося
над силой утреннего тяготенья
людей, деревьев и дорожек сада
к прохладной чистоте;
и вдруг прошла спокойная, босая,
та, у которой были мы в долгу,
ее оплакивая как чужую,
она несла на лбу своем могучий
знак утренней звезды, и в промежутке.

Глава 8

Она была степенна, молчалива,
имела к рукоделию талант
и по поверхности залива
ходила ночью по своим делам.

Судьбу вселенной рассчитав на пальцах,
присматривалась к яркости планет,
а муж и дети в это время спали
и видели ее во сне.

Однажды мимоходом сотворила
миф о луне, влюбленной в человека,
и, обомлев, в безудержном порыве
сама влюбилась в луч ночного света.

Обычно, обозрев хозяйским глазом
залив и близлежащие холмы,
она где заклинанием, где лаской
стремила к равновесию свой мир.

Сегодня у нее была задача
покончить с засухой, которая сожгла
пол урожая. Сметкой обладая,
она хотела из полночного тепла

слить влагу на тоскующую землю,
чтобы наполнить плодородный слой
водою неба и простым везеньем,
предсказывающим созревший плод.

Над горизонтом появилась тучка
и заслонила пару ярких звезд.
и женщина движением пастушьим
ее приманивала, ободряя возгласом.

Все существо и волю напрягая,
ей удалось полнеба затянуть,
но тут, пронизывая ночь руками,
она наткнулась вдруг на теплую ступню.

Быть в центре многоводного залива
и ощутить, что рядом кто-то есть,
невидимый – она застыла, лишь бы
не оттолкнуть, возможно, это весть,
или судьба, или неведомое людям;
она ждала – ни контура, ни звука,
но в темноте, как на груди возлюбленного,
разбрасывали смятую траву,

развертывались праздничные сборы,
уже стекаться гости начинали –
она окликнула и назвалась собой,
имя свое расплетая, как косу на ночь.

Ей не ответили. Чуть позже, догадавшись,
что о ее присутствии не знают,
она расстроилась, но ненадолго – даже
ребенку ясно, не ее вина,

что две реальности не встретились. Вернувшись
к своим делам, она помыкалась на славу,
и вскоре дождь, как собственный канун,
катил к ее лицу туман и влажность.

Закрыло берег. Долгожданный ливень
обрушился, как жизнь в минуту гнева;
она блаженствовала, зная, что в долинах
сейчас растительность от счастья цепенеет,

что звери морды вытянули кверху,
и трещины в полях полны водой,
и что соседи по обыкновению пустые ведра
выставят под дождь.

Вдруг все затихло. Ливень прекратился,
но тучи продолжали нависать,
она пришла в себя и, спохватившись,
впряглась в работу, как в своей усадьбе.

Доила дождь, как старую корову,
старательно и бережно, устав,
кусала губы, и хозяйская сноровка
ее держала древностью устава.

К утру, когда насытилась земля,
она в изнеможение побрела
назад, на берег, след свой оставляя
на низких волнах, как на пахоте стрела.

Уже виднелись дрековые заросли,
когда она сквозь дремоту припомнила –
вчера по телевизору сказали,
что засуха идет победной поступью.

Глава 9

Наверно, это не любовь, а может, и любовь, не знаю –
как свет, среди деревьев и бесплодных дней
скитаюсь,

сопровождая собственную жажду. Временами мне кажется, что истина проста –

вчера, когда сидели мы в кругу друзей, отодвигая своим присутствием и суету, и тяжесть стен, твое лицо – бег по пустыне, выжженной богами – сквозило в воздухе и возводило в степень

смятенной достоверности ту общность кипарисов, которая при первой встрече подтолкнула нас к постижению растительного ритма, знобящего все тело, как у воина в плену.

Но чаще мне трудней – в освоенных просторах я ускользаю из своих сетей, как жгучий полдень, пытаюсь отыскать, какой источник питает жажду, находящуюся в поиске.

Нет, в тридцать пять, когда душа
перенимает облик мира,
не отдаешь себя во власть любви покорно,
в единоборстве с чувством истомившись,
мужаешь, как в пылу сраженья конник.
То множество любви, что бродит между нами,
перемещаясь из одной судьбы в другую,
зовет в толпу, сдвигает тени, окуная
в водоворот безудержных прогулок.

И одряхлевшая цикада с глазами Тютчева следит,
как я иду, не различая ни дороги,

Ни вкуса ягод, и в глуши своих поступков
Скрываюсь от ударов грома.

Потом бегу назад и задыхаюсь в спешке –
не только жизнь, и взгляд к твоим ногам,
два солнца надо мной, двойной пробег в
соперничестве
с желанием опередить догадку.

Ведь мой порыв – он снова растворен твоей нуждой,
твой воздух ощутим, и глубина пространства
относит горизонт, как незаметный вздох,
все дальше, за пределы сумрачной террасы.

И я стою, обычная заминка,
мы так полны собой, наверное, мы в панике,
что снова не смогли, наш разговор дымится,
как жертвенное мясо на листьях папоротника.

Я не прошу пощады и свободы;
упорно и неумолимо высекая
в скале свой цикл внутренней работы,
я узнаю сопротивление камня

и сравниваю: продуваемая ветром
плоть чувства насыщает смену суток
неуловимым переходом от уверенности
к отчаянию и наоборот, насущное

уходит вдаль, теряешь голову и равновесье палки
на вытянутом пальце считаешь нормою,

кусты шиповника тебя оспаривают,
но ты уже в защите одиночества.

Так захотелось вдруг исчезнуть на мгновенье,
оставив тень свою в полупустом углу,
впитать сорвавшуюся с петель неизвестность
и выкинуть какую-нибудь освежающую глупость.

Сейчас я прикоснусь к тебе ладонью
и попрошу о помощи – иначе я умру
от невозможности дыхание продолжить...

1987

Период двух-двоих

Неоклассика в белом

№ 1

Лежа под четырьмя кипарисами
и балдея,

 знаю, что статуя моет руки. Точней,
умывает,
то есть я не хожу у нее в фаворитах,
хотя я единственный гость этих развалин –
она благосклонна в целом, она существует,
ее естественность подчиняет себе пространство,
с точки зрения пола, роскошная вумен,
мрамор, возможно, Пракситель, сейчас без разницы.

По обе стороны от понимания сути
ее свобода тычет пальцем в мою свободу,
если она за равенство голосует,
значит, чувство юмора ей не чуждо, с богом –
она прощает мне легкомыслие вида,
а я извиняю в ней некоторую статуарность,
в принципе это напоминает девичник,
на котором осваивают азбуку.

Ее форма жизни лаконична и брошена в максимум,
нагота надета на мрамор, созерцательное начало,
в чистом случае выигрыш и сублимация
на ее полусогнутом локте встречаются,

образуя рефлекс – осязаемое путешествие
под наполненным парусом и подальше от берега,
видно, каждый из нас втайне тянется к
совершенству,
но одна – к поражению, а другая – к победе...

№2

- Вы отпугиваете любовь,
вы так яростны и откровенны...
- Я прошу вас, ведь вы свободны
завтра, так давайте хоть вечером
выйдем к морю – проступит влажность,
я возьму вашу близость в желание,
как в свой дом молодую рабыню...
- (про себя) Нет покоя, все так вплотную,
что не выдохнешь свой протест...
(вслух) Не могли бы мы на минутку
здесь присесть, я устала, как тень
колеса и той самой белки...
- Да, пожалуйста, что хотите,
можно даже луну с небес...
вы опять ускользаете, как архетип
при попытке дать его свежесть в цифрах –
я настиг ваш профиль, но вы ушли,
повторяется изначальный цикл
изменения даже близких лиц...

– Может быть, нам расстаться на месяц
И освоит свою изменчивость...

– Я сегодня полночи отсвечивал
перед вашим балконом, как заживо
искушенный в отсутствии вечности
для отпущенного в мозаику –
бродишь, как лабиринт по фрагментам,
исчезая и появляясь,
если взять за основу затмение,
я исчез темнотою взгляда...

№ 3

В банальности есть нечто от Средиземноморья
и его культурных отклонений; когда тоскуешь
и даешь себя

как часть возможного,
выбрасывает, как ракушку.

Атавистическая склонность к тени –
тень искажает текст твоих объятий
свидетельством и сумрачной потерей
объема – черно-белой яростью
охвачен жест – чем мельче пластика,
тем благородней театральный плащ
со складками – гонец меняет павшего коня
на площадь с обезумевшей толпой –
с балкона отвечают на приветствия –

и вдохновенное т. д. роняет
колонны на своем пути (господни
неисповедимы, а этот различим и сверху).

Тень – госпожа вечернего смещения
И воин. Их много. Заслоняясь человеческим,
перехожу на частности и вообще,
раскладывая, как пасьянс, главенство...

№ 4

Тишина бесконечных зимних пляжей
отпускает грехи, как снимает мигрень
после исполнения давней клятвы –
существовать как цель, а не средство.

Внутри зеленого полого времени
лабиринт уютен и бескомпромиссен –
у входа нужно прокукарекать,
чтобы просеять звук сквозь смысл.

Пока мой дух затевает игры и зреет,
плоть продолжает держать пол и возраст,
хотя для истории это случайный срез
человека и очередной зевок.

Но тот, кто наблюдает за духом и плотью,
откуда он и чему он равен,
если он – это тоже я, то вначале было не слово,
потому что тогда еще не было грамотных

и болтливых, и сама вероятность слова
лишь маячила в самом конце процесса,
на котором стояли насмерть за утверждение слога
как величайшей ценности...

№ 5

На столе роскошные персики и бокал боржоми –
Натюрморт вегетарианца и эстета,
Смотрится так изысканно и свежо,
Как ступня человеческая среди растений.

Я срезаю ножом бархатистую кожицу и впиваюсь,
о, сады Шахразады, Семирамиды и прочих,
умирающий от любви среди нежных ласк и
коварства,
что твой жребий в сравнении – полустершийся
профиль!

Я вкушаю и алчу, о, звезда моя, сочный персик
посреди дождливой погоды и скукотищи,
ты абстракция и фруктовый велосипед,
а еще точнее, с видом на море гостиница –
на седьмом этаже я снимаю номер и вечность,
по ночам наслаждаюсь жарой, как цветком,
а под утро является безбородый надушенный
вестник,
сын кентавра, недавно окончивший школу

благородных манер и блистательного копыта,
он приносит письмо. Я вскрываю и не читаю,
он уходит, как персик, бархатистый и пылкий,
я обдумываю преимущества статистики
перед яростью суеты и склоняюсь на сторону
желтотелой луны, отражающейся в заливе –
в ней несомненны как гримаса восточная,
так и стремление к лидерству...

№ 6

Прозрачнее судьбы вечерняя морока,
диктующая полную раскованность,
и бродит по холмам лирический герой,
встречая автора, как звук и незнакомку –
но встреча не из тех, когда целуют руки
и раскрывают веер комплиментов,
нет, отчужденность и желанье на ветру
отделаться гримасою и смехом:
мы слишком тет-а-тет и слишком наяву,
нет тишины в совместном отраженьи,
мы парная сова, которую зовут
из темноты – бесцеремонным жестом.

Но лирики так влюбчивы и пылки,
что отвязаться просто невозможно –
не дашь ж между глаз копытом,
когда с таким вниманьем смотрят!

Я объясняю, что сегодня обойдусь
без посторонних – я уединяюсь,
чтобы пройтись спокойно и в задумчивости.
Молчит и сморит идиолом. Бедняга.

А может, я – лирический герой,
а автор – эта вот, в очках, без шляпы,
которая пристала, словно роль
к актеру, и разводит кляузу.

И шла бы дальше, поздно и темно,
я отдохну вослед ей и замечу,
что наступает звездно-пасмурная ночь
с лицом задумчивого ганимеда...

№ 7

Это случилось на расстоянии мышления
и двух дней пути. В каменном доме архонта,
то есть древнего грека с формальными
полномочиями.

Женщина стояла у окна (5 век до н.э., не шутка,
лебеди
уже не являлись девам) и продолжала свою походку
во взгляде мужчины – тонколодыжно и молча,
единоборство с уходящей спиной, в овале
супружеской жизни.

Пятнадцать лет – от встречи в чужом винограднике
до момента, когда как чужие.

Тишина возглавляет награду.

Холмы, как упругая грудь Артемиды,
придают горизонту девственность и замыкают
пространство, возвращая ему законченность мифа –
опять общее вытекает из пустяка,
как из смеха комическое.

Отчуждение, как шатер посередине дома.
Шатер для вождя и его наложниц, эхо добычи
Сопровождает слова и ласки, воинственный дождь.
Настоящее отвлекается в бывшее
И занимается этим очень долго.

Кажется, вечер. Во всяком случае, свет обретает
мягкость и становится медом, который врачует.
Ее затылок все еще неподвижен, как танец,
И бездонен, как чувство.

Сквозняк и усталые голоса вдалеке, возвращаются.
Сквозь дом прошло дневное вместилище времени,
заполняя твои коленные чашечки и площадку,
где вас только двое – сумрак и свирель...

1989-1990

Тайная вечеря

Фрукты во время зеленого свежего ужина,
среди блюд тропа
в темнеющий сад,
благовонный ветер окраин
добавляет в окно присутствие,
двое знают,
как оба конца занесенной палки,
остальные восходят по одному,
но спиною вперед,
шепот и перебранка
в движении общей беседы,
тени в углах,
и светильник блуждает, как выдох,
расстояние вечера меньше ладони,
но трапеза медлит и кружит по комнате,
камни начали путь,
и шаги их все глуше,
поцелуй,
как двурогая девушка неба,
посылает свой свет далеко,
за пределы Иерусалима...

1988

На террасе кофейни «Амра»

Игорю Гельбаку

В плену воздушных обстоятельств и наступления
холмов

на нашу речь.

Быть может,

мне нужно выпить кофе и согреться.

Мой собеседник слева – высокая башня,
которая хочет раскрыться, как нежный лотос,
но слишком удачна его судьба,
чтобы язык его мог нащупать новое слово.

Другой уже полчаса возбужденно дрожит
и сжимает будущее кольцом парадокса,
оставляя обычную жизнь,
как арабскую невесту на пороге дома.

Воздух над нашими головами,
как отправившийся за жар-птицей Ваня.

Третий говорит: «Ночами цветет тишина,
и тайны скрывает каждая складка одежды».

Другая подтверждает: «Да, когда над городом
встает луна с лицом партийного деятеля».

Один вдруг сказал: «А помнишь, вчера ты был как
будто не с нами и отказался признать,

что последний есть первый»,
и услышал в ответ: «А, интеллектуальный навык
противостояния толпе».

Фиолетовые тени теснят пространство
и семят по поверхности прустовскими девушками,
бог мой, сейчас нечаянно чихну на всеобщее
равенство

в восприятии вечера и открою платоновскую академию
для кофейных чашек и осторожных шагов.

Во мне прозревает непрошенный гость.

Кто-то воскликнул:

«Ах, какие дивные зонтики на дальних пляжах!

Как разноцветные круги на песке».

Но за спиною слышу другое: «Все это лажа,
в гробу я видел праведников и аскетов».

Побережье ластится к нашим ногам,

Как черное вино к губам умелого пьяницы,

Небрежной походкой подходит Бронгаузер

С комментариями по поводу нашей вечерней яви.

Шаловливый оттиск событий

На затылках и с обратной стороны случая.

Закат, как и лодка, движется к лучшему,

И по горизонту несется египетский бык.

Но невидимое реальней – и над закрытой книгой
молодую бороду кучерявят каникулы...

1988

* * *

Жизнь кончилась, и дождь пошел.
Такое совпадение смягчило блеск ситуации,
как будто нагишом явилась
явилась гегелевская триада,
и зелень проступила за решеткой
сада, подсвечивая тротуар.
Две пальмы высились, как зонтики в натуре.
Повеситься на пальме – не абсурд,
но глупость, как войти без стука
на улицу – как контуры рисунка,
переходящего в поступок
на грани сумерек...

1990

* * *

В тени.

Конкретика двойного смысла
небрежна в обращении со светом,
переходящим иногда в прямые,
но чаще просто в освещенье вещи,
которая была бы здесь уместна,
не торопись мы к самому началу –

квадрат отзывчив и готов к сближению,
подробности рассчитаны на месяц
знакомства с ними – приходите в полдень,
останетесь на чашку чая,
и вдалеке, как на невольном жесте,
кочует отпечаток чьей-то позы,
мне грустно потому, что весело себе,
и никуда нас эхо не торопит,
как небо над балконом – столь небесный
подход – взгляд сверху –
говорит о роли
коротких встреч в рядах цивилизаций,
но то, что диалог нам неизвестен
как способ и не по зубам как роскошь,
еще не значит, что общественный дизайн
использовал нас вывеской курорта –

здесь двое смуглых тянут виноград,
как извинение, и окунают в зной
то взгляд, то жизнь, предпочитая разницу,
 как завоеванный константинополь –
гораздо ближе к сути те ступени
кафе напротив, на которых случай
свел воедино тень велосипеда
и кипариса черную стрелу,
та логика благоуханной розы,
я выжидаю, воздух все равно
найдет возможность разыграть по нотам
и существующее, и наоборот...

1989

* * *

Ночных дождей так много в это лето,
что мы привыкли засыпать под шум
полночных струй, впуская их, как племя
в долину снов для нежного кощунства –
дождь в пол-лица над нашим поцелуем,
трава дождит внутри прикосновений,
и дождь идет тропинкою июля,
как август в болеро Равеля,
дождь обгоняет сон, играя с ним
в систему Станиславского, и роет
подземный ход для темной колесницы,
которой не пройти в ворота...

1988

* * *

Ни слова, ни дыхания... В знойной хижине
над табуреткой поднимался пар,
и полдень расстояние похитил
между землею и верхушкой пальм.

Ни там, ни здесь... И прежде всех событий,
соединив начало и конец,
теснилось небо в пальцах, как обычай
превозмогать при посторонних гнев.

Тянулся звук прерывистым движением
и падал сверху, как помет дрозда,
пытались мы о полдень не обжечься
и отступали по своим следам.

Дрожала в воздухе пустынная аллея,
двоилась, множилась, расслаивала взгляд
на созерцание бесчисленных столетий,
и, как всегда, точила вечность лясы.

Не совпадала жизнь моя со мною,
и тень ушла, как кочевой ремесленник,
и от себя я с щедростью синонима
оставила лишь имя и усмешку...

1988

* * *

Он взял нож и ударил себя в сердце,
когда он умер, взошла луна для поцелуев,
и свет нежен и рассеян,
как удалившиеся в захолустье
и наложившие обет молчанья.

Воспоминание упало, как перчатки.
Был принят вызов. Он воззвал к луне
и, воскресая, обещал быть сильным.
Шло дальше. Разрасталась нега.

Иногда красивы
бывают все,
и это иногда сейчас случилось.
Он обратил вниманье.
Откусывая заусеницу,
Он подчеркнул свою значительность.
Экзотика переходила в марш.

Без зрителей опасно быть собой.
Риск восстанавливает атмосферу рока
и совпадений,
обыгрывая мистику в футбол,
короче,
пора завязывать.

Он вытер нож о травы и сказал
меланхолично, с привкусом зазнайства:
«Я идиот и здоровяк,
я неподкупен и внезапен
и опускаю ногу в вакханалию...

1989

* * *

Тени черного и белого ищут портретное сходство
между походкой дворника и свиданием двух эпох –
так мелькает королевская охота
за окном любовников, промокающих пот.
У родника утоляет жажду и голод «я»
в оболочке бродяги, отвергающего соблазн
человека –
тихо растет трава, и ее края
отражают тьму, упоенную звуком и светом...

1995

* * *

Я веду такой легкомысленный образ смерти,
что дриады в восторге, а мир покорен. Похищение
жизни, как сабинянок, всегда современно.
Сдвиг не по фазе, а по смыслу – в щедрое,
где пленяют архаика моря и вызов рока,
ощупью пробирающегося в судьбе.

Темное семя культуры
струится сквозь пальцы пифии, и энергия взгляда
сдирает покровы –

суть гуляет,
как кошка, сама по себе.

Моя смерть, как китайская тушь,
углубляет пространство и чарует белое
вождедением черных стрел.

Необходимость спит, младенец, висящий в бездне,
и каждый камень излучает время.

На восточной границе моей авантюры распустилась
роза.

Здесь бродит любовь среди фонтанов и роняет алые
капли.

Робкий свет звезды намечает тень от вздоха, и,
кроме

влажной реальности-тайны, лишь ночь стекает
по моему лицу – магия смерти молода и пуглива,

черпает силы в последней вечери и меняет облики
и подходы.

Смерть обладает человеком как свежим знанием
и отличной возможностью –
падать навзничь от хохота...

1996

* * *

В темноте и сплошном одиночестве
от души остается лишь проблеск
непонятого – влажные почести
ждут лицо. Выбиваешь, как пробку,
из себя онемевшую вечность,
чтобы выдавить слово, тень оваций –
если я не подожду сегодня вечером,
значит, жизнь не кончила целоваться...

1994

* * *

Борьба двух атлетов – упорство лодыжки и вспышка
бицепса,
а продавщицы фиалок стала леди и вспрыгнула на
пьедестал.

Церемонию обручения пропустили сквозь перстень
и разбили,
как тарелку на счастье. История вздрогнула и устала.

Но купцы продолжали осваивать путь из перца
да в греки.
Колонизатор в шортах расплатился за перья страуса.
«С этими поосторожнее, остальных же невольниц
в реку,
– бросил Мехмед, – еды на два дня.
А султан оплатит нам разницу».

Пропуская даму вперед, ты находишься впереди
прогресса.
Рыцарь оставил жену и помчался ко гробу Господню.
Героиня Льва Николаевича, как бензин, плеснула
себя на рельсы.
Женщина все-таки странный существования способ.

С нежной улыбкой, обнажающей все
вышесказанное,
он протянул нарциссы брюнетке в цветастой шали –
благодарность ее освещалась полуднем и глазами,
после чего она чихнула и попрощалась.

1991

Игры с лицом

№1

Человек должен знать свою внешность и ее преимущества –
оставшись один, он зевнул и бросился в кресло,
но и собственное присутствие отсвечивало
перламутром
ногтевой лунки. Расплескалось внешнее зрение.

Вдруг лицо затянуло в себя, как в омут,
рой квадратов и треугольников – комната «села»,
как дырявый воздушный шар, – бесстыдная оргия,
естественная, как стог сена.

Взяв лицо за единицу мироподобия и аффекта,
Он уснул, чтобы дать ему волю, и проспал до самого
вечера –
анфас утверждался с небрежностью корифея
и снимал скальпы с предметных невежд,
потом похитил невесту зеркального эха
и предлагал ее каждому, съездил в Грецию,
основал одноногую фирму по продаже пяты
Ахиллеса
и ушел в пещеру, готовясь к эпосу,
оба профиля занимались греблей,
а если попросту – академической лестью...

№ 2

Потеряла голову от любви – и лежала
в объятьях. Воздух приказывал именем тела,
как отразившаяся в воде жажда,
превратившаяся в стелу.

Шевельнулась занавеска. Горячо в красоте
и бесстыдстве кожи,
бросающейся апельсинами в цель.

Старинное гостеприимство постели
и струнный концерт.

Окно как способ существования,
навязанный августом, баловнем лета,
диктует взгляду тяжесть нирваны,
канувшей накануне в Лету.

Выбежала голышом на крыльцо,
прыгнула в пруд, а потом – ловите! –
вверх, где смеркалось лицо –
выход в действительность...

№ 3

Влюбленный взгляд в раковине событий.
Фиолетовый блик путешествует инкогнито.
Овал и угол встают на дыбы,
как расписанные золотом драконы.
Шаг назад – я приветствую Вас,
шаг вперед – Ваша смуглость надменна

и скульптурна, как черная голова
африканского джентльмена.
Вас совсем не видно последние дни,
Вы скрываетесь или солнечный выброс
растворил Вас, как собственный зенит,
задираемый им с каждым днем все выше?

А в ответ – изысканное панно
переливов салатного в абрикосовый,
словно тебя увлекают на дно
две русалки и строят козни.

Преобладающий цвет известен
Как основа для сочетаний
Блеска девы с шармом повесы.
Черное продолжает атаку...

№ 4

Взгляд твой старше тела, а улыбка моложе,
твой пейзаж мерцает сквозь лицо, как купальщица
сквозь кусты над рекой.
Взгляд-библиотека, улыбка-площадь,
где бьют фонтаны, и затылок ласкают пальцами.
Неизвестное ищет точку опоры и находит
мгновенный профиль,
ускользающий веером над плечом, – ах, свобода.
Как нежны твои отражения на стекле. Просто
осень отмечает праздник бессмертного и любовного.

Гордый автоутопортрет – равновесие влипло в историю,
перепад энергии взвел лицо, как курок – истина промелькнула вдали
и отважным тореадором бросилась в новую роль...

№ 5

Цивилизация лица древней истории и бога.
Лицо – разменная монета внеязыкового пространства
и герметичный текст разборки
между достигнутым и гранью.
Я открываю чужеземный пласт
в гримасе, пересекающей вброд
то зеркало, в чьей очевидной власти
подать сенсацией глаза и рот.
Что может быть нелепей и чудесней
случайной встречи с собственным лицом –
двойник пытается найти свидетеля
в твоём присутствии
и выйти на крыльцо...

№ 6

На волжских берегах я брежу Вами,
шалая собой, как сумрачным глаголом,
жизнь, как возлюбленного, раздевает
различие меж юностью погони
и зрелым отстранением. Река

течет и растекается под небом,
вода в воде и личность в человеке –
в гуляющем блондине спит брюнет,
проглядывая при попутном ветре.
Вновь тишина. Она почти безмолвна,
как марафонский бег. И незаметна.
Молчание еще не в моде,
хотя и обладает чувством меры.

Я не увижу вас еще полгода.
Грусть отмечается на выходе улыбкой,
в которой вечность безмятежно голая
и царствует с лицом полыни...

№ 7

Солнце жжет, а тени гуляют
и заводят знакомство с теми,
кто укрылся под шляпой с полями –
души их, подобно растениям,
пробиваются к свету сквозь лица
и отсвечивают на пальцах,
по которым стекает мороженое –
тени смело идут навстречу блиц-а-
ффекту воздушной спальни,
в чьей тиши любовь осторожна –
два лица отвечают друг другу,
отменяя прямые дорожки
и ступая в траву, где упругая

тьма признаний еще торжествует –
двусторонний взгляд серебрится,
словно след луны на воде, и в устье
нерожденного поцелуя пахнет корицей –
два лица остались за столиком,
глядя вслед своим обладателям,
удалившимся в небо и стонущим
от желания вспыхнуть и сдаться...

1991-1997

* * *

К вечеру погоня за женщинами превращается в
удовольствие,
толпа заполняет набережную и ловит прохладу
и кайф,
смотришь на обнаженные плечи и ниже, позволяешь
себе кивок
или невольный жест, мол, не женщина – сказка,
зрелая гурия, истекающий соком персик
и прочая чушь для дам, имеющих деньги и нежную
душу –
курчавый альфонс распушил свои перья
и, сложив на всякий в кармане дулю,
двинулся к столику, за которым сидели блондинки
севера,
обе с красным, как мак, загаром и пили кофе,
оставив мизинцы.
Он предложил себе сесть,
и они согласились, перламутровые и раскованные.
Та, что слева, в самую точку – парикмахерша из
провинции,
перстень, бусы и жаркий взгляд, слегка
ускользающий,
после ночи такая всегда норовит
сунуть тебе четвертной, не понимая, что за

такого мальчика нужно платить не меньше сотни;
вторая, пожалуй, из более щедрой компании
и гораздо роскошней на тело, с такой на песок
и под черное небо –

как будто лежишь с толстогрудой испанкой,
синьора, лимоны и апельсины, кинжалы и веер –
стоп, для нашего ловеласа не тот лексикон,
явно перегибаю палку,
когда на охоте такой смазливый стервец,
все, наверное, проще до оскомины.
Интеллектуальная собственность и бардак
не дают преимуществ, подобные игры
наивны,
как сияющий счастьем обладатель
права быть собой среди многих;
это трио, что в трех шагах
от моей неслоновой кости башни,
напоминает мне рогатку,
из которой стреляют баснями
по курортной скуке – но скуки нет,
есть обычное городское событие,
в рамках коего предаются неге
гости, автор и местный брюнет,
светлых сумерек явь и добыча...

1990

* * *

Когда в середине лета
ты сталкиваешься с государством,
и его отчужденность
заслоняет слепящий проем дня,
шум улиц, общение с братом,
инстинктивный страх перед насекомыми,
нежелание говорить то, что не думаешь,
колючие ветки кустарника,
тогда – нужно разбить себе голову о стену,
как это делают узники,
или навестить знакомую женщину,
которая жарит свежую рыбу
и ходит по дому в спокойном сознании,
что жизнь значительна –
неторопливости светлая догма
поднимет тебя,
и ты сможешь отдохнуть у окна,
ведущего в сад...
потом соберутся фанатики внутренней жизни,
будут есть гранаты
и слизывать сок с пальцев –
откинув голову, ты будешь вдыхать настоящее
и смотреть на зернышки
в простоте душевной...

1981

Ближневосточные позы

Она прекрасна, как сама любовь
и как сады благоуханных нег,
ее лицо, как сумрачный разбойник,
сражает наповал, и скрыться негде.

Он строен, как ливанский кедр
и как копье бессмертного владыки,
горяч, как конь, и нежен, как в руке
нежна ладонь, берущая плоды.

Их встреча, как огонь, как первое посланье,
она ушла вперед, он поспешил за ней,
разбой, смятенье ног, у расписной палатки
она торгует шаль, он тут как тут, конечно.

Она надменна и глуха к словам,
цветная шаль наброшена на плечи,
в запястьях бог и колкая трава
твердят ей, что надежен пленник.

Он не обуздан и посмел сказать,
что спать желал бы меж ее грудей
и влажной розой остужать ее глаза
от поцелуев, пусть назначит день.

Их взгляды, как клинки, как пылкое свиданье,
она сказала «нет» и повторила «нет»,
досада двух сторон, и вдруг судьбы подарок –
сорвало ветром шаль, поймал он, как во сне.

Она прекрасна, как сама любовь,
и позабыла, что должна идти,
ее уста цветок единоборства
оплел, как стены дикая растительность.

Он строен, как ливанский кедр,
и одинок, как камень на дороге,
пустыня, караван, безумствуя в тоске,
он держит шаль, но он ее не трогает.

1988

* * *

Услышав за спиной
горячее дыхание Катулла,
я вижу небо,
темное, как взгляд
измученного человека,
и в этом взгляде
Рим, его колонны,
надменную осанку Цезаря,
Скрывающую смех и власть,
великолепных женщин,
ценивших эпиграммы дороже поцелуев,
гнев молодых республиканцев,
разгульное терпение народа,
жест Клодии,
повергнувший в отчаянье поэта,
его прогулки по ночному городу,
и горькое осмысленное одиночество,
в котором сила и любовь к другим...

1983

* * *

Когда я Вас не вижу, Вы доступней
для нежности и страха перед тем,
что моя нежность очевидна, как поступок,
и потому чрезмерна. Я, как тень
от Ваших рук и Вашего дыхания
ложусь на смутное течение дня,
и Ваша жизнь вдоль берега расхаживает
и поднимает камешки со дна.

1988

* * *

О, как мы долго праздновали
и выбегали вслед друг другу
с плащом

или огромным яблоком,
ночная свежесть уходила и возвращалась,
а мы считали камни на дороге,
загадывая следующие дни,
дышалось зданиями и речной водою,
а на мостах мы становились выше
и видели балконы поднебесья,
откуда нам кивали и смеялись,
и мы в ответ кричали,
пробуждая окрестных жителей,
которые наутро уверяли,
что где-то птицы дрались
или скрипели лодки у причала,
а мы спешили дальше,
иногда

ломались наши жесты, словно копья,
от невозможности и красоты прхожих,
и в переходах воздуха ночного
деревья удалялись, как шаги...

1979

* * *

Летом мне ближе скрипка Энеску
в сопровождении Дину Липатти –
кубики света, десятки венеций
в каплях и жестах, забота о небе
и свежей рыбе на ужин, опасность
взгляда впрямую и темного парка,
близость травы, как эпохи, и ветер,
длящийся утро и вышедший в море,
ткущая суть виноградная версия,
нега сандалий и сумрачный мостик
в зарослях лоха, и тень, что длиннее
пыльной дороги –

в прохожем главенствует
зной и вода над судьбой шалопая...

1988

* * *

Покоя, красоты и спелых слив –
их с потемневшим воздухом сличу,
и мощного дождя слепой разлив
по онемевшему плечу...

Когда мы спешно выйдем в дом,
где деревом вплотную пахнет,
мы будем просыхать дождем
осыпавшихся брызг и пятен;
вместо оконного щита
нас зримо оградит от струй
сухая воздуха щека,
подставившего в дождь вторую...

1978

* * *

Год откровенных, ранящих потерь,
год боли и стыда за собственную слабость,
ряд постижений,
истинность которых сомнительна,
загар теряющего свою подвижность
лица, бессонница, впряженная
в разболтанную колесницу снов,
и нескончаемые очереди
дождей и гроз,
чьи молнии,
как кратковременные дни,
смущают душу
спешкою и запахом полыни –
еще хотя бы пара испытаний,
я научусь смеяться над собой
и радоваться жизни
не в благодарность за ее дары,
а вопреки отсутствию последних...

1983

Вечерний лабиринт

Он из местных, задумчивый и почти хорошо воспитан,
на бульваре имеет свое укромное место
для оценки событий, краткий список
любовных побед светит, как народившийся месяц,
в его вышедшей на обгон биографии.
Он напротив кофейни и ждет себя.

Вдруг – она. Незнакомка в законном браке,
с мужем под руку. Обстоятельства не грубят,
но щекочит. Породистая и палец в рот не кладит.
Взгляд надменен, но нежный профиль
устремлен вперед, как летящий диск,
и таит намек на другие роли.

Ах ты, боже мой, мелодрама и хризантема,
от эпической сдержанности происходящего не
осталось следа –
он сражен, и в его восхищенном контексте
темно-красное преобладает,
вечер вспыхнул, как ожерелье на шее,
ситуация задана по-королевски,
и влюбленность ударила рикошетом
по глазам посторонних, оставив след.

Ей пустяк, но приятно как знак вниманья;
муж красавец, разряд по боксу, один из тех,
кто в постели и в обществе на высоте,
в общем, неотразим, как герой романа;
здесь, в провинции, так душевно нагим плечом
поглощать объем и свечение теплого моря,
и толпа колышется, как нечеткое
отражение стиля в натиске моды.

Муж и сам не промах, легкой усмешкой
оценил ее прелесть и неприступность,
сей поклонник жены – молодая примета
отпуска, разновидность простуды,
флирт нелегкое дело, требует такта
и умения, порою так влипнешь,
что не знаешь, с победой брататься
иль напялить тунику Улисса...

Любовь в треугольном и зыбком знаке...
Сохраняется колорит незнакомства и смутных ласк.
Он стоит и смотрит, зная, что он банален
И зарывает в землю собственность, как талант.

Они пьют кофе. Пара. Созданы друг для друга.
Из соседней гостиницы музыка для души.
Человечество молча и в тон умывает руки.
Плотское отступает – сиреневая ошибка.

Он любит кожу и сменой выражений
лица, которое чувствует взгляд на своей игре,
действие развивается по законам сюжета,
выпуклого, как яблоко, преподнесенное в
древности.

Но яблоки тоже скучают, когда их жуют слишком
долго –
сюжет растаял, как дымка над утренней гладью
залива,
и трое
застыли в задумчивости, растерянные,
как в ладони
стороннего наблюдателя, уставшего им
подыгрывать...

1990

* * *

Опять лето.

В этом что-то есть. Нестерпимо забавное.

Летняя сыворотка из возрастного молока.

Громыкает ночной – из свидетелей и насекомых –
барабан,

отдавая звук, как рукопожатие – рука,

как свою наготу – дикарь,

как охлажденное вино – стакан,

как свою лаконичность – плакат,

как судьбу малочисленных народов – Кавказ и т.д.

заедает не только пластинку, но и автора.

Если опять лето.

Заколдованный круг, хоть и ясно. Что по спирали.

В новом витке нахожу свой затоптанный след,

то есть пущенный под копирку мираж

над каким-нибудь водоемом.

Черная высокомерная мысль о бренности сущего

обитает в каждом из нас, как в сосуде духа,

правда, плоть наша, как колоду карт, тасует

ощущения и отвлекает от раздумий –

глубина посылает стрелу, как голубя из ковчега,

где-то что-то есть, обитаемая земля и другие,

но хотя я по типу плача кочевник,
выйти к ним сейчас было бы нелогично,
надо свое до конца изжить и промерить,
время пальцы целует, как китайчонок Ли,
и, свергая свой взгляд, как статую с постамента,
я незрячим лицом продолжаю незримую линию...

1990

* * *

Молчание, как индеец
или поверхность озера.
Молчит вокруг меня.
Молчит и темнеет.
Бежит молва.
Успеваю за всеми.
А довольно поздно.
Молчит с верой, надеждой и любовью.
Со мной тоже.
Ноги танцоров освещают утопанную землю.
Маслины падают на дно палки.
Исчезаем, как внешность вымершего народа.
Забыли поверхность озера
на барабане, сотрясающем воздух.

1988

* * *

У Ваших ног такая тишина,
и срез благоуханного пространства
к губам теснится, как провал окна,
в котором даль завидна и прекрасна,
у Ваших ног не существует дня
без путешествия к озерам за водою
для омовения души, и мой сквозняк
вам возвращает тему парадокса –
я Вас люблю, любовь уходит вдаль,
мы прозябаем домом и бродягой,
и раз в тысячелетие свиданье
в глуши пустынь, где миражи плодятся,
где Ваши речи – караван судеб
и продолженье воздуха, однажды,
я громко обращусь к звезде,
моя любовь войдет в число двенадцати,
я ужаснусь, я потеряю след
и буду бедствовать в тени смоковниц,
учитель их проедет на осле
и кровь свою оставит для знакомства.
И Вам должно быть страшно, мы в стране,
где чувства выше нас на голову, и утром
не рассветает, а темнеет,
если влюбленный от разлуки умер...

1988

* * *

Родиться в Новгороде, вырасти на юге
и Пушкина любить сквозь зной и треск
цикад, спешащих протрещать в июле,
то, что коню понятно в январе.

Не в настроении сегодня, не в ладах
с действительностью и ее подтекстом,
уйти в пещеру, месяц голодать
и пребывать в ознобе и растерянности.

Сойти по тропам в глубь своей души
И шарить Новгородом, словно палкой,
По закоулкам и найти кувшин,
В котором юг, как джин плененный, спал бы.

Наверно, все это имеет смысл,
единственный находит свою собственность,
и юг устало носит коромыслом
живую воду северной бессонницы.

1988

* * *

Престранное раздрызганное лето,
вслед за народами вошедшее в семейство
отпетых как родоначальник следствия,
открывшего причину, как Америку –

нам тесно: лету – в атмосфере зноя,
народам – в транспорте и собственной истории,
мне – в одиночестве, пространстве и феномене
пронзительности жизни как источника

воды, рукопожатия и прочего,
бог мой, куда бы провалиться с треском,
растратив освещенье на подробности
души и отведенных ей окрестностей.

Вчера с одним из тех, кто любит прошлое,
мы долго изучали камень древности
и выяснили по его неровностям,
что теснота – понятие вне времени.

Сейчас, пожалуй, я решусь на крайности,
возьму и стану всем без исключения –
и Евой, и Адамом, и тем праздником,
когда от яблока осталась тень вечерняя...

1988

* * *

Население твоего лица разноязычно
и богато традициями –
нежно и мужественно познаю я
свою ограниченность,
мне еще с полгода стоять
перед открытой дверью,
глядя, как пыль золотит босоногие весты,
и толпа принимает случайного гостя
хлебом и солью,
но другие с балконов задумчиво смотрят
и отводят глаза,

 когда взгляд мой встречаются,
иные совсем равнодушны
и в отдалении заняты делом,
ветер доносит их молчаливую сосредоточенность,
остальные же
никогда мне не будут известны – лишь следы их
недавнего присутствия
промелькнут в разговоре,
когда ты положишь руку на спинку стула
и скажешь, что да, разумеется,
в конском беге есть нечто
от холеной женщины...

1988

* * *

Сегодня обедали на берегу
с людьми одного понимания –
можно было ограничиваться
полусловом
и долгими паузами,
и, видимо, поэтому
от избытка энергии
нестерпимо хотелось залезть на эвкалипт,
растущий рядом,
но нормы общественного целомудрия
помешали доставить удовольствие
себе и окружающим.
В кончиках пальцев
пульсировали дни и ночи,
сжигающие на своем пути
каждого из нас,
и мы блаженно шурились на солнце,
ибо в праздник существовать необязательно...

1980

* * *

Сухая солнечная погода
дразнит опытом бессмертия,
и лимонные рощи
окружают перекрестки душ,
остающиеся после беседы мудрых;
те,
 что закоснели в себе,
утверждают равенство прикосновений
к вечности
и думают, что все делается само собой,
хотя ритм красоты каждодневной, естественной
убеждает –
 пройдя искус непосредственного ощущения,
 лишь приближаешься
к той террасе,
где стоят памятники порядочным людям...

1980

* * *

Засыпаю,
и вдруг на мою подошву
в темноте уселась бабочка,
последнее время
они невозможны –
висят на стенах прямо в комнате
и на улице не дают прохода;
от жары потрескалось лето,
и в расселины проникают
многовесельные лодки,
в которых
обнаженные гребцы отделяют пространство
от костяка жизни;
во времена молодой кожи
приятно ободрать плечо – быстро заживает,
и воочию видишь,
как тело твое борется за существование;
все-таки засыпаю
и с удовольствием думаю,
что пришло время,
когда опыт избавляет от стиля
и дает чувство свободы и прозы...

1980

* * *

Не тороплюсь,
почти не отличаюсь от жизни,
события,
 как ветер, неделимы,
и засуха сегодняшнего лета
мне раздвигает легкие и голос,
перехожу в стан олимпийцев,
власть возраста стремительна
и принуждает к равновесию
между
 пленительными истинами внешнего
и внутренним потоком;
вчера гремел гром,
и молоко скисло,
но дождь как шел в горах,
так и остался ночевать там,
пытаюсь управлять собой
и получаю прекрасный повод к смеху,
но мое упорство в прямой связи
с листьями,
которые опадут еще нескоро...

1980

* * *

Грустно до положения риз и плодотворно,
ни единой иллюзии в зыби ночного воздуха,
человек человеку – ничто и собачий волк,
потому я иду, как ходят к черту, и вою.

Грусть – одно из семи чудес и черная роза,
лестница без ступеней, уводящая вверх,
умножая ничто на зеро,
получаешь несуществующее – человек.

На лице, как в Индии, занимаются йогой глаза.
Ночь опущена в воду, серенады звенят, как
браслеты,
в грусть вхожу, как в пародию и в азарт,
выходя на следующей.

Год из крутых. События, как горох.
Для античной мыши раздолье, поза
определяет несущую роль
кариатиды как антипода.

Разбегаются двойники. На свободе
культура объемнее и чуть светится,
оставляя пространство для любовного
погружения в вещь...

1989

* * *

На берегу моря,
не заметили,
 как село солнце –
пределы желаний
и сложное общество,
чьи истинные пропорции
шелестят за спиной собеседника;
после ярого спора
усталость делает нас похожими,
тишина,
и древний ночной голос:
«Снесите сонных женщин в воду» –
мокрые, думающие о близости,
небо держится лишь дыханием влажной кожи,
и смех, когда кто-то споткнулся о камень
и упал бесшумно, как брошенная одежда,
на песке и холщовой подстилке
яблоки, хлеб, оплетенные бутылки,
красные даже в темноте помидоры,
локти, пучки слабо пахнущей зелени,
с моря тянет прохладой и свежестью,
и нас завораживает
мировая слава белого верблюда,
несущего сквозь людское время
терпимость к чужой слабости...

1981

* * *

Он делал свое египетское дело,
ковыряясь у подножия пирамиды,
а мы искали пространства в просторах одежды
и размечали карту звездного неба мимикой.

Это было совсем недавно, в конце десятого часа,
когда запуталось время, как в подчиненных
начальство.

Но наша тревога росла и питалась собою,
черствый хлеб и развилка исчезнувших сумерек,
мы овладели действительностью как-то сразу, без
боя,
и пощады у нас не просил неумелый рисунок.

Я существую сейчас на двоих, и справа, и слева,
сад пропущен сквозь взгляд, сквозь горло и пальцы,
в темноту и окрестности выплывает, как лебедь,
естество, и травую, как озером, пахнет...

1988

* * *

Горячо, как в собственном динамическом
стереотипе,
по которому солнце снимает полдень, как сливки
с голубого (раздумываю, менять ли стиль) –
взгляд достраивает себя, как столица,
эпос и и раздвоение героического
на привычку и благосклонность случая,
из которого можно случайность вычесть,
потому как, рассчитывая на лучшее,
натыкаешься на совсем другое –
на берегу оставляет свои одежды глагол
и переходит вброд, здесь система зеркал и подобий
достигает почти совершенства: голос
повторяет движение, как таблицу задолженности:
а–о–симметричное–е–естественнее
плеча, отдающего влажность кожи, как знак и
прелесть, это, наверно, та самая техника
превращения человека в окрестность –
диалог – обычное отступление вглубь
для освещения, начать и кончить,
Аполлон не только бог и шалун,
Он натягивает свой женственный лук,
Как сдирает завесу с искомого...

1989

* * *

Мы оба знаем,
в чьей тиши любовь осторожна –
два лица отвечают друг другу,
отменяя прямые дорожки
и ступая в траву, где упругая
тьма признаний еще торжествует –
двусторонний взгляд серебрится,
словно след луны на воде, и в устье
нерожденного поцелуя пахнет корицей –
два лица остались за столиком,
глядя вслед своим обладателям,
удалившимся в небо и стонущим
от желания вспыхнуть и сдаться...

1991

* * *

В русле устоявшейся духовной
традиции
разрабатываю спокойные участки жизни –
пьянящее дикое наслаждение,
когда сажаешь дерево,
и оно мгновенно прорастает в тебе,
как желание бежать по воде залива,
ощущая,
 как мир вздрагивает
и общечеловеческое бродит,
как пастух
 наших поступков,
немыслимых в своей красоте...

1980

* * *

В одну из упоительных суббот,
стекающих по бедрам, как нашествие,
вдруг стало явным –
один поцелуй пахнет лимоном,
а другой –

открывающимся на залив поворотом,
и тогда он взял в жены стихотворение,
а она растерялась от собственной силы
и упала в себя,

как камень в воду,
и из их беспамятства выпорхнули воробьи,
восхитительные бездельники,
и те, и другие,
тратятся на свое отражение в воздухе
и чирикают до и после полудня...

1988

* * *

Одические песнопения
сопровожают бег мой вдоль залива –
звучат события и гибкие движения
души, плодоносящей, как олива,
и вдруг мне совершенно осточертели
сравнения

и все слова,
когда-либо произнесенные мною,
еще несколько дней пути
до места,
где молчальники с целомудренными ртами
ходят в гости друг к другу –
заменить подгнивший тростник на крыше
или вытащить занозу...

1980

* * *

Стрела,
 летящая днем,
непринужденность бытия
и хриплые голоса погонщиков мулов,
прячущийся за камнем бог,
молчаливый и сдержанный,
с оливковыми костяшками пальцев,
продовольственная программа,
пыль на взгляде трехлетней давности,
дневниковые записи великих
и истина –
судьба не охраняет нас от жизни...

1983

* * *

Несколько лет прошло
после отказа от иронии
как способа существования,
рисую на стенах античные фигурки –
простоту общения

ищу через жест
и естественность позы,
потому что часто все напряжены,
и лишние движения
отвлекают от истины,
если она вдруг открывается...
в полдень, горячий и полный света,
доносится скорбная мелодия,
и чтобы не упасть

от пронзительного блаженства,
сосредоточиваюсь на окружающем...

1980

на мощный ветер, приводящий в действие
все, встреченное на своем пути:
от мельницы до климата,
сверкающий на солнце оптимизм
твердит упорно,
что несбывшееся
не менее активно,
 чем события,
имеющие место и заслуги;
традиция дыхания и звука,
уверенно напомнив о себе,
дает советы,
 как осуществить
желаемое, не отрывая формы от содержания...

*

Они собрались в комнате у друга,
откуда виден полностью залив,
и общность возраста упруго
их разбросала в разные углы.

Сначала говорили о прекрасном,
которое для всех когда-то сбудется,
и, увлекаясь, вышли по контрасту
на нерациональность серых будней.

Тогда одна из них, откинув кудри,
воскликнула на клятвенный манер:

«И в этой повседневной скуке
я отыщу великолепатье дней!»

Лукаво обыграв ее канун,
других в ее решимости уверив,
в ней профиль Данте промелькнул
и скрылся за балконной дверью.

Плоды граната разломив на части,
Они смешали с речью алой сок,
И, истомившись в стадии зачатья,
Спор выкатился, словно колесо.

Одни в лениво-сумрачном порыве
уткнулись в сложность быта и вселенной
и в дружном натиске корили
непознаваемость явления.

Но кто-то, отразив нападки взглядом,
упрямо бросил в напряженный круг:
«Тень от истины так же прохладна,
как древесная тень в жару».

Разноголосье мнений нависало,
как облако, и пропускало свет,
достаточный, чтоб спорщикам казалось,
что мыслям их просторно в голове.

Задумчивый брюнет сказал надменно:
«Принадлежу к числу блистательных глупцов,
которые считают жизнь духа
обязанностью, истинная смелость
быть интеллектуальной повитухой
и роды принимать у собственных отцов».

Неторопливо подойдя к окну,
пригожий скептик уронила в ветер:
«Сколько можно еще тянуть
золотую бодягу вечности?»

прозрачность воздуха надвинулась лавиной,
предметы выпали во времени, как дождь,
и тысячекратное «се ля ви»
пронзило свежестью, как парадокс.

Своей природе безотчетно радуясь,
почти умолкли, под конец решив,
что физическая близость прекрасна
наготово лица и души.

Над побережьем огненной неделей
встает сиянье юношеских лбов,
и пахнет яблоками от безделья,
в которое погружена любовь.

Эта вечная сумасшедшая прелесть воды,
усталость смуглого тела, и полная мера
счастья – в сияющий теплый воздух войти,
как в жизнь ли в зрелость благой приметы,

добыть из лица своего пространство
для окружающего раздолья
и влиться в избыток струящейся радости,
как столб, поднимающийся из ладони.

И так день за днем, раскрывая слои бытия,
свой голос и прошлое одновременно,
в блаженстве насущего не таясь,
мы отдаемся во власть перемены,

которая неотразимо близка
логикой возраста и присутствием завтра.
Однажды, играя на дудке из тростника,
запомнишь то, что открылось внезапно –

что куриный бог, приносящий счастье,
на самом деле лишь камень с дыркой,
глядя в которую, видишь
спины родителей,
врастающих в бессмертие,
колодец,

бодрствующий в пустыне,
и огромные, уводящие в странствие ночи,
после которых фраза,
что бродила в тебе десятки лет,
срывается с губ,
как племя с насиженного места...

*

Нет ничего естественнее, чем быть гением,
когда сквозь наступающие сумерки
томление цикад, достигнув апогея,
подводит травы к постиженью сути.

И человеческое проникает в память
мгновения, скользящего вдоль взгляда,
конец дороги в будущее падает,
как плод в пространство осени,
и жребий наш таинственно покладист,
как будто бы велением души
мы откликаемся на чью-то просьбу
и наполняем вечности кувшины.

Сам вечер и его летящий к небу радиус
нас вынуждают к крупному масштабу –
неведомое втягивает в спор,
лицом к лицу с достоинством простого,

помноженный на бесконечность порядок
гостеприимен до седьмого пота,
но приглашение разбито на этапы,
преодоление которых – суть итога.

На середине жизненного долга
мы созерцаем основательно и долго.

Внимая грамоте вечерних откровений,
зуд творчества гоняешь, как коня
по кругу, выматывая дисциплиной формы;
подводишь электричество к улыбке

и к молнии, которая незримо светит
уже недели две, протягивая, как канат,
свой гибкий позвоночник для марафона –
беги и освежай дыхание полынью.

Стряхни свой пот в младенческие рты,
им пригодится соль чужих дерзаний;
все то, что сзади, составляет тыл,
который, как пружина-завязь.

Прыжок – и в мягкости темнеющих свиданий
миграций с воздухом, любовников в глуши
находишь часть от целого, и снова
ты понимаешь, что не ждал иного,
хотя надеялся, что одержимость далью
позволит охватить собою жизнь.

Десница охранительной иронии
хлестнет пощечиной – да здравствует язык,
попытка передать безмолвие природы,
используя словарь грозы!

Сославшись на различие субстанций,
пошлешь к чертям и собственную глупость,
с которой можно было бы расстаться,
коль выпал бы удобный случай,
но травы в этом нам не помогают,
от них спокойствие расходится кругами...

И в сумерках история права,
доказывая множеством решений,
что обольстительные тайны мастерства
лишь дразнят нас загадкой совершенства.

*

Мой друг,
мне не хватает вас
и ваших щедрых предсказаний
о днях безукоризненного солнца,
когда нас всех обяжет красота
к работе над собой,
и шаловливый абрис поцелуя
проступит в глубине календаря,
в системе земледелия и сбыта,

на крышах городов

и на распутье перекрестков,
в неутолимости интимной переписки
и в величавых позах памятников;
друг мой,

сегодня под окном
чуть хриловатый голос под гитару
исполнил песню, содержание которой
вам было бы по сердцу –

буйство жизни, костер и берега молчанья,
танцующие над водой стрекозы,
тропа,

протопанная духами ущелья
лишь для твоих неутомимых ног,
приют и отдых в полступни от места,
где слава прячет лавровый венок,
соблазн общения, просторы одиночества
и звонкий, как признание, припев:

О судьба моя, ты прекрасна,
вся в репейниках и росе,
поклоняешься вместе со мною
мира этого дерзкой красе!

Как видите, энергия пространства
находит выход в самых разных формах,
и все мы – продолжение борьбы

с упорством энтропии,
о чем мы с вами спорим бесконечно,
когда встречаемся на берегу
и отклоняем ход своих суждений
от повседневного на два луча к закату...

*

Под прессом выжав вечность, как виноград,
получим по выдоху на каждого
и имена суровой чистоты –

в истории порядочных людей
ночные совы строже и мудрее,
и ночь любви

открыта всем ветрам,
густеет плоть движения, и дремлет
земля, благое длится дело –
над изменностью высится гора,
и постоянство крайностей достойно
пытливому и нежного восторга.

Тот, кто сражен многообразием мира,
несет его, как знамя, каждый миг,
в границах старого затасканного мифа
он различает неувядший миф –
в разрыве с прошлым – возвращенье сына,

в пустыне горя – гефсиманский сад,
в науке – древнего познания силу,
заставившую камень обтесать.

Первопричина проступает в ликах
закона, суеты и той свободы,
что в недрах естества таится, как улитка,
когда боимся непризнания и боли.

Подвижники любого постиженья
– от теорем до тайны иероглифа –
В неистощимом памятном блаженстве
Движение вперед руками трогают.

И все же высшее из наслаждений в том,
чтоб вырвать истину неукротимым бегом
к истоку человеческих достоинств,
пусть даже смертью оплатив победу.

И тот, кто смел возвысить доброту
как цель и смысл бранных испытаний,
векам, как встретивший зарю петух,
свой крик о пробуждении оставил.

В честь подвига порядочных людей
в сознании народа существует
благоуханная долина скорби,
в которой мы проводим иногда
часы прозрения, чтобы ускорить
свой собственный поход в плаще надежд

к единственному торжеству –
преобладанию справедливости
над всеми другими стремлениями!

*

Можно проникнуть в сущность многих версий,
но если вам еще не изменяли,
то что вы знаете о мужестве познания
и пылкости полуденного зноя,
который разделяет вашу участь,
о поединках,
победителем которых являются по очереди
нежность
и могучий облик мира;

день обнажает вашу незащитность
перед любым движением извне,
пощады нет –
вы пленник каждой дрожи,
чужой до отвращения, но вашей;

душа, как изнемогшее животное,
лежит в тени и истекает болью,
и поступь воздуха невыносима,
но рост деревьев продвигает время,
пространство вспыхивает,
возвращая ритм, запахи,

и горький труд изъязвленных глубин
выталкивает к свету
с помощью дыханья
прочитанную в голос
благодарность;

познав великодушие,
стоишь под небом,
предел возможного далек, как цепь холмов,
и точкою отсчета становится
желание

открыть свои границы,
впуская лошадей на водопой,
людей за помощью, июнь за земляникой,
смятение незнающих любви,
калитку, заблудившуюся в осени,
строй африканских революций,
луну, привычки, тихую способность
изобретать в сарае вечный двигатель,
настойчивость среды, овеществление музеев
и остальное,
что спешит ворваться,
предчувствуя гостеприимство...

*

Вход,
который огражден двумя рядами кипарисов
от взоров и бездельников,

непознанный
и очевидный до восхищения,
вход

в мастерскую жизненного опыта –
медноволосяя судьба

с изяществом влюбленной
дарует нам препятствия и силу
ценить в борьбе всю прелесть эталона,
и случай предстает как символ,

чтоб мы могли в сумятице событий
возжечь огонь направленного дыма
и отыскать с бесстрашием арбитра
оливковую ветвь необходимости.

В той легкости, с какой мы признаем
гармонию покоя и движения,
проглядывает ход конем,
спасающий от поражений;

живучесть наших основных начал
привита к жизненной лозе усмешкой,
с которой можно годы промолчать,
если награда по пути замешкалась –

освоив ряд таких житейских истин,
мы продираемся в глубины родословной,

где очищающий поток неистов
и первозданны жест и слово.

На свете ничего не происходит,
пока мы бродим по окрестностям души
и трудимся, как пахари, – охота
пуще неволи угли ворошит.

И совесть, проводящая исследование
придирчиво, как истинный педант,
использует отточенный столетьями
и ослепительный талант стыда

в мгновенье выжечь эгоизм и надпись:
«оставь надежду всяк в себя входящий,
Что ты один, неукротимый натиск
Любви сметет тебя удачей».

Тому свидетельством доподлинные знаки –
род человеческий, общественный уклад
и проблески интимных знаний,
как след заката на стволах.

Весома тяжесть зрения и слуха,
но тяжесть мысли проникает в плоть,
как гравитация, и зоркостью колумба
отмечен нарождающийся плод.

Войдя в зенит, прикрывшись биографией,
мы получаем передышку для
обзора и естественного права –
начать свой поиск с вечного нуля...

*

Изваянный из воздуха и света поступок неба,
в котором жар и золотое сечение отчизны,
в траве затеряны паук и два сонета,
пути поэзии среди других дорог неразличимы.

Двадцатый век – разгул метафорического шествия,
метафора надежно оседлала стиль,
одно из самых сильных искушений –
познать в сравнении и вслух произнести.

И ухо мира вздернуто победоносной раковиной,
шумящей от прилива и голодных чаек,
присутствие других не за горами,
и нет конца, который бы не стал началом.

Тяжелых бедер гибкое движенье
над опрокинутым пространством ложа,
страсть утолив, глухим изнеможеньем
дождь поколений в сумраке продолжит.

И государство, в зеркале пословиц
увидев красоту своих провинций,
вниманием к ржаной соломе
тропою человеческой продвинется.

Скольжение обыденной культуры
сквозь наше чувство, дело и резон,
как свет луны в объемной влаге тучи –
скрывает в отдаленье горизонт.

И магия стандартных жестов,
навязанных лучом кинематографа,
не позволяет неожиданно обжечься
в толпе стремительностью полутона.

Любовным треугольником измерив
прогулки, города и площадь ревности,
мы наблюдаем, как утраченное время
вновь проступает пылкою материей.

Бессмертный компромисс, опять куражась
над предпосылками любого постоянства,
задорно предлагает шутки ради
переложить судьбу для фортепьяно.

Великолепен жгучий юмор жизни,
смешавший в кучу, как горячие спагетти,
заматеревший пот мужицкий
и ритуальные напевы скептиков.

Пронзая ветер, нарастает темп,
но жизнь, если внимательно взглядеться
в оставшуюся от полета тень,
метафора замедленного действия.

Родной язык удобен, словно тело,
в котором бегаешь вдоль озера утрами,
и бесконечен в прелести своей:
«я вас люблю», «мгновенья пролетели»;
изысканность и крепость не утратив,
он лаконизм ввел в сплетенье дней.

*

Классическая ясность бытия
к лицу народу,
но кому из нас
в беспечно-яростном просторе жизни
хотя бы на неделю удавалось
свою неповторимость подчинить
прекрасной аксиоме?

Когда народы бороздили землю,
закладывая гроздь цивилизаций
и истребляя чужаков, как дичь,
рождалось в муках
смутное единство,
передававшееся по наследству
слюной братания и общность молитв,
бродившее в трагедиях и чащах,
в глубоких шрамах от бича надсмотрщика,
в разгуле власти
и в томлении отшельников,

следящих бога на конце молитвы –
все человеческое было втянуто,
и разность рас и наций постепенно
переходила в сладкий дым отечества,
основанного на догадке о равенстве.

Но к делу; разминая быт, как глину,
народ формует свой автопортрет,
и каждый может в нем себя окликнуть,
пожалуй, я как раз в такой поре –
как летний полдень, раскатилось эхо,
птиц и прогресс беззвучно настигая,
то, что казалось прочностью успеха,
теперь одно из множества слагаемых

раскрывшейся, как девушка, действительности,
ее мятежный дух сманил сиренью
считавшийся далеким млечный путь
и навязал особенность провидца
тем, кто обычно действовал вслепую,
чтоб уравнивать со зрячими их жребий.

Действительность бунтует и звенит,
как тетива натянутого лука,
и требует внимательного слуха
у греющего в кресле поясницу,
у большинства, которое молчит,

у собственника, ждущего в ночи
таинственного мига обладания,
у всех, кто незаметно отчуждает

свою пленительную суть живого
от четкости воздушной перспективы
и медоносного потока поцелуев,
сверкнувших над взволнованной толпой,
от страсти к наступившему сегодня,
обрушившему мир на нас как стимул
к бесстрашным битвам, мудрости, разлуке
и неизбежности все это помнить.

Но еще раз к делу – хотя б на полчаса
по четвергам или в иные дни недели,
когда коснется вашей головы
чуть слышное дыханье вечности,
отдайтесь

тоске по совершенству...

1985

Абстрактный цикл

№1

В распоряжении судьбы
удобный случай, почти эскиз дальнейшего,
но я предпочитаю висячие сады несбывшегося,
во всяком случае, сегодня нечего
подсказывать и направлять –
анархия горит голубизною,
а за углом апрель и высохшая бочка,
экскурсию проводят на халяву,
поскольку сам объект и не возносится,
а лишь висит в размере, озабоченный
несоответствием пунктира линии,
которую вели, как отпускали
на волю негра, но небесные политики
ушли пить кофе и другими пустяками
тянули время.

Мне так хотелось поразмыслить
над сложностью событий и увлечься
открытостью объекта, мы же
вполне на равных, а вдвоем – так легче
задействовать вокруг и около

как ни за что и никогда,
мы можем стать возможностью монокля,
в который смотрит яркая звезда,
пожалуй, мы близки к амикошонству,
но далеки еще от брудершафта,
и я не знаю, хорошо ли,
но вылезает из колодца автор
с охапкою сирени – непонятно,
теперь нас трое да еще сирень,
как будто с нас ограничение сняли
и вытолкнули в круг.

Серьезность украшает ровно в полдень,
когда лучи отвесны. Зная это,
я предлагаю всей компании как способ
слияния – войти в простор ответа
с хорошим настроением; пикантность
всей ситуации равна влюбленной фразе,
которой я вчера наедине
пыталась доказать, что на закате
она звучит удачней и гораздо
больше будет к месту...

№ 2

В будке киномеханика
мир по тем же законам принят,
освежает его старосветскость и каноническое
нахальство

в отношении римлян,
превращенных историей в итальянцев,
то же с другими – вчерашний вторник
пущен за единицу моей трансцендентной яви,
но и этот контракт расторгнут,
не терплю указаний извне,
поскольку знаю с излишней точностью,
что европа европствует не по своей вине,
а ввиду того, что другие источники
расположены дальше. Мои пристрастия
вызваны удалением вновь кометы Галлея,
если бы все мировые деньги были украдены
в одночасье – как бы все друг друга любили и
жалели.

Но быть багдадским вором в услугу обществу,
все равно что встать в анекдоте с левой ноги,
лучше принять участие с фамильярность облака
в создании имиджа пирамиды египетской.
Еще же лучше в каждый идущий фильм
добавлять свое отношение к жизни,
обойдя режиссера, как будто футбольный финт
вместо Пеле выполняет Бардо Брижжит.

Сеанс окончен.

Перемотка последней части – это шантаж
красного при полном отсутствии белого,
потому что кино, как покупка в мешке кота,

держится на джинсах патриция, облегающих
бедро плебея...

№ 3

Я звоню вам ночью, с берега моря,
из чужого дома, где есть веранда
и откуда вид на город крамолен,
как моя задумчивая тирада –

п..прошлый раз мы не договорили...

Как вам кажется, в этой сутре,
что зовется столицей и третьим Римом,
кто-то же читает все судьбы
или их вообще не читают?

Здесь неясно... Никто не относится
к категории просто живущих...

Размышляя над этим вопросом,

Я смотрю, как вода поглощает

темноту – если это ловушка,

значит, ночь постигает иронию

с чувством долга и очень тщательно.

Поднимаясь от мата к латыни,

можно выделить просто лицо

человека... Как возмужать на стыке

двух культур и пройти колесом

внутри библейского яблока...

я звоню вам ночью, выйдя к заливу

и держа аппарату груди, как собаку,

вас нет дома, и это несправедливо,

но Москва – это та же вавилонская башня,
и роптать так же глупо,
как пить кока-колу,
занимаясь любовью в известном Лувре.
Жаль, что с вами мы не знакомы.

№ 4

По ту сторону Каннского кинофестиваля

Луна альтруистически кругла и ошибается не в пользу сильных.

Гостиницы забиты до предела,
но люкс заказан только для красивых,
которые слонялись за идеей
и получили деньги за самих.

На публике затылки от Кардена.
Идет повальная игра в бомонд,
который смокинг к вечеру наденет,
как истинный законодатель мод,
и с Лоуренсом Оливье под ручку
пройдет из казино в отель.

Между собою говоря по-русски,
с другими инглиш и чуть-чуть франсе,
они коснутся самых разных тем
и искренность оставят на десерт.

В апартаментах с розовым балконом
два попугая ждут своих хозяев –
окно косит на берег, где в роскошном
пра-декольте красавица озябла,
и фиолетовые тени под глазами
искрят, как смальта в обществе мозаик.

Кинотеатры, как бродячие монахи,
Античной позой прикрывают шок
От сцен, где посылают на фиг
И поступают еще более нехорошо.

Кассандры двустороння стезя
раздваивает путь престижных премий,
И, кутаясь в национальное изящество,
Толпа на набережной упражняет зрение...

№ 6

Когда вы один или одна,
и вам все ясно, и даль видна,
я вам завидую, это прелесть.

Кто бы вы ни были, ваше время
совпало с моим.
Это ясно обоим, то есть двоим.
Но даль видна пока только вам.

Я ухожу, но еще вернусь.
У меня на плечах есть голова,
и ее клонит ко сну.

Но даль, за которую я захожу
и которая вам еще видна,
распирает раму окна,
она на дежурстве.

По горизонту моя нога
еще не ступала. Сейчас сумела.
Теперь я вдали сижу в шпагате,
Но это мелочь.

И то, что ясно стало обоим,
спустилось в сад –
так привело к игре в баскетбол
изобретение колеса.

№ 9

Спешить нам некуда.

В трактире, на колченогом столике, бутыль
из розового, в перламутр, стекла.
На блюде голова Крестителя, печень, тыква
и чуть вспотевший виноград «шасла».

Нет посетителей. Хозяев и в помине. Лишь кошка
меж стульев трется и мурлычет.
Меняет очертанья комната,
но сохраняет все приличия.

Со скоростью скульптуры на осмотре
из воздуха освобождается привычка
идти от чувственного к невозможному
и после разговора к выходу.

Звезда, зеленая и опустившаяся в срок,
в долине ждет. С позиций сумерек
еще не время для дорог,
но уже можно видеть и присутствовать...

№ 10

По уши в кайфе от утреннего купания,
с той стороны земного шара кто-то свистит
на мотив рапанов,
в прогулочной лодке белокожая пара,
как титры
к дальнейшему
или несостоявшийся эпизод из писем Сенеки
по поводу времени,
ускользающего меж пальцев,
берег ищет себе компанию

и хлопает ладонью по чреслам,
явно что-то готовится,
но в режиме блюз-диалога
нельзя беседовать долго,
действует, как касторка
на получившего большое наследство,
небо последнее среди званых и избранных,
известно исстари,
но скрывается тщательно,
как пари на тему чужой деликатности,
выхожу из воды, но еще не прощаюсь,
мое присутствие еще не доказано...

№ 11

В кафедральном соборе святого Иштвана,
Будапешт, вербное воскресенье,
в толпе туристов, одеждой заигрывающих
со свободой нравов.
«Карамба!» –
сказал испанец,
когда его случайно толкнула польская пани,
и извинился.
Рядом щелкнул советский «зенит».
Католический сумрак красив, как юноша, в позднюю
ночь
направляющийся на свидание,
и одинок

меж лампад и женских рыданий.
Прибыл автобус из Югославии,
новая группа не суть любопытствующих,
если бы нас использовали, как клавиши,
то сыграли б не тени, а вспышку.
В голосе пастора библейская пыль.
Собор гудит, раздвигая стены,
на которых христианство по темам,
и, замечая внизу толпу,
комментирует ее, как Катон республику.
Ноги затекли от двухчасового стояния.
Служба закончена, и можно идти восвояси,
лицом вперед, как это делает двуликий Янус...

№ 12

Пришел смазливый человек из толпы
и начал выкидывать
фокусы и непристойные шутки,
переступая по асфальту копытами;
наших прохожих не проведешь на мякине,
они и с постели встают с парашютом,
но, взбуддораженные его приколом,
они обратили лица в космос.
Сверху неся гомераблезианский хохот.
это можно было понять мняко,
и они, посоветовавшись хором,
отложили на завтра ясность.

Экзистопциализм в нашем городе
одно из ведущих вдаль направлений –
когда смотришь с причала, как растворяются в
дымке гости,
машешь кораблю, как будто сдаешься в плен.
Но встречи у фонтана все еще незаменимы,
как памятник полководцу, против себя
осмелившемуся,
и стоит одна, как живое место для нимба,
подлинная самья...

№ 14

Ни правил, ни законов не признаю на смуглой коже,
сдвигая глубину прикосновения
в пронизанный стрижами сумрак под липой.
На счастье в воздухе слагается подкова,
дрожащая от зноя, как раскрытый веер
слоновой кости в руках начальника полиции.
Сравнение не из приятных, но коли
оно уже работает и дышит,
не поддадимся на его оскомину
и повернем сюжет, как дышло,
к открытому пространству отношений –

мы, как всегда, честны, и, к нашей чести,
теряя голову, мы остаемся не только в положении
нашедших,

но знающих, куда оно исчезнет,
и потому к нам благосклонны мифы,
которые слагаются в кустарнике –

«Они шли долго к югу, напрямик,
не доходя до цели, вдруг расстались,
с тех пор никто их никогда не видел,
но регулярно возникает слух,
что посреди пустыни, как девизом,
вознесся возглас: «Жизнь есть только случай
бессонницы», и это тоже к лучшему...

№ 15

Нет, я не классик, я другой,
еще неведомая в раме,
но выходящая из берегов
и крайне редко из ресторана.

Сторонник формы, но не для событий,
а для суждений и вздохов судьбы.

Но другие тоже. Классиков меньше,
чем обязательств перед другими.
Предпочитаю тех, что замешкались
перед вхождением в книгу Гиннеса.

Теплая ванна и вскрытие вен –
по нашим временам чересчур откровенно.
Сейчас покидаешь себя всю жизнь,
примерно как из бога выходит мужик.

Чем дальше, тем классицизм приятней,
заправский бездельник с цветком в зубах,
играющий женщину на рояле –
до-ре-ми-фа-соль-ля-си-баба.

Конец закончен. Дождя не будет.
Следы не смоем. И мы застанем
следующих, как первую букву
«я вас люблю, но держу на дистанции»...

№ 16

Трезво, с усталым лицом
цвета какао в зеленые сумерки,
наблюдаю стремление образцов
к обобщенным рисункам
и мелькание мотыльков вокруг зажженной лампы.
Воздадим бытию за его дела.

Молча бродит в крови посторонний,
иногда присаживается за столик,
я не против него и не против

вместе с ним вдруг влипнуть в историю,
но хотя бы сегодня вечером
так хотелось побыть в одиночестве –
взять и просто очеловечиться,
как обычно трут к переносице.

Тишина как свидетель и помнящий
о недавнем, моя благодарность.
Может быть, нас снова не поняли,
но мы приняли это как данность
и как случай счастливого раза –
все равно в меньшинстве нам уютнее,
посторонний вмешался, как праздник,
и звучит под рукою, как лютня...

№ 17

На коже зацвели пионы и гортензии,
и летний вызов продолжается ладонью,
которая размножилась на стенах,
как рафаэлева мадонна,
вместо младенца – спелая черешня,
а выражение лица пленяет,
ладонь встречается гораздо реже,
чем человек с отпущенными днями.

Жара смеется так интеллигентно,
что впору оглянуться на инспектора

ГАИ, он испускает аромат богемы,
как отдает шероховатость пемза.
Струятся люди зноем и свисают
над водоемами – так принято на юге,
загар передается, как досада
по поводу настырности июня.

Необязательно. А в целом и не нужно.
Жить летом, как обмениваться опытом
хождений внутрь по гипотенузе
для посещения бесшабашных оргий –
душа и мысль, как юные подруги,
венки бросают и разносят кубки,
и если гость молчание нарушит,
то отразится в камере-обскуре...

№ 18

И все равно не удастся
схватить неуловимое за жабры,
гораздо проще вымазаться йодом
и просыхать на острие ножа,
расположившись с именным удобством –

однажды меня окликнули и предложили
умерить пыл. Дурачась, как в медовый
великолепный месяц осязанья,
я тут же подскочила, как пружина,

и обещала, что сегодня-завтра
я выясню причины перехода
от луковичных форм к календарю,
была ли это просто чья-то хохма
или риторикус играл в бирюльки.

Когда мы уточним значенье факта,
который не имеет места в целом,
но знаменит подробностью анфаса,
известно станет всем, что цело-
ваться – такая же прерогатива власти,
как завивать нам на макушке символ.

Перемещаясь с нами в ряд калашный,
неуловимое в отце и сыне
находит подтвержденье в аксиоме,
что третий лишний – смуглая свобода,
танцующая действие и образ
и принимающая по ночам любого...

№ 19

Кто-то вошел... За спиной дрожало лето,
и то, что было снаружи, сильнее
воды хлынуло к моему колену,
там ему самое место.

Я в задумчивости и вне
Объяснений с происходящим.

Тысячелетье... песок... отпечаток ступни –
малая энциклопедия бродяги
трактует сей факт как отсутствие ниши
для ищущего покоя.

Чувственное стечение обстоятельств
прямо и даже косвенно
приводит к явному,
но эффект уплотнения времени
в матовое куриное яйцо
так же удобен, как кресло
для наблюдателя за действием пунцового
в общественном мнении.

Вообще абстракция – ближний путь
одного к нескольким
и стремления разделить толпу
на персон желательно грата,
чтобы сущность высвечивала не оптом,
а отдельными гроздьями винограда,
как Одиссей позвал Пенелопу
после двадцатилетнего отсутствия –
она откликнулась на его опыт,
и, отыскивая сущность на ощупь,
он ласкал конкретную суть...

№ 20

«Она вас нежно обожает,
в ее глазах вы образец мужчины», –
я говорю и утоляю жажду
чуть охлажденным соком алычи.
Тот кич, которым утешаю друга,
рожден еще библейскими холмами,
а занимаясь делом в общем русле,
всегда рассчитываешь на давление масс.

Но друг мой циник тонкого покроя,
эстет и обладатель самиздата,
в его жилище белые вороны
гораздо предпочтительнее дам.
и потому он смотрит с интересом,
как я ему же забиваю баки,
а за его спиной фонарь портрета,
где сам он в яркой, как янтарь, рубахе.

Портрет мне верит больше, чем хозяин.
Портрет еще влюблен, хозяин в гневе
на ту, которой обладать нельзя
в тот самый миг, когда он музам внемлет.
Беседа наша реет в эмпиреях,
сообразуясь со структурой цели,
которая застряла, как на грех,
посередине или в самом центре.

Портрет бросает вызов, как перчатку –
он вышвырнет хозяина с балкона,
я говорю, что это незаконно,
и все оправдывает лишь случайность.

Они ли мне, а может, я сопутствую,
в отечестве нет дыма и пророка,
и в атмосфере легкого беспутства
портрет, повесничая, корчит рожи...

№ 21

Весьма обязана и отвечаю сразу –
мне не звонили, не писали и ни разу
не приглашали на весенний шабаш.
Я в курсе – ведьмы существуют в рамках
не то чтобы ЮНЕСКО, но похоже,
на территории земного шара
их много, и у них есть хобби
летать на метлах.

Лично мне не светит
передвигаться таким макаром,
хотя. Казалось бы, есть в этом шик
и прелесть панибратства с облаками.
Я остаюсь на месте, аки камень,
и совершаю пробную ошибку –
не сознаюсь, что знаю древнесобственный
язык, что переходит по наследству

от доносящихся с балкона голосов.
Второй ошибкой мне идет навстречу
желание снять с отраженья слепок
и вывесить его на кипарис.
Понятия собрались, как в гареме,
гримасничая в мягком стиле «ретро»
и заключая меж собой пари –
что ведьма это сфинкс в объятьях меда,
другие утверждают, это мода
на женщин властных и умеющих держаться,
когда сто раз им говорят «пожалуйста»,
но до разгадки, как до постановки
апокалипсиса в таганской упаковке,
еще есть время, и безумствуют менады,
шлифуя пятками банальность...

№ 22

На Гавайях, как в раю,
обожают букву «ю» –
юность, южный, I love you
и лелеют пента-юмор,
утверждая, если Юлий
Цезарь подложил тебе свинью
тем, что он когда-то сделал
то, что ты теперь не можешь,
значит, нужно за поддержкой
мчаться к птице Гамаюн,

если по дороге мокро,
ты садишься на скамью,
прикрывая ноги юбкой
по-шотландски, а улюбкль
оживляя лицу,
и сидишь там, как индюец,
на судьбу свою надюясь.

«Ю» шарманна и активна,
проникает, как уют,
в кровь беспечного метиса,
где кокосы раздают,
ювенильные привычки
позволяют ей уютиться
в той юдоли, где на вынос
юбилеи и юстиция.
Как юла, она смакует
на поверхности изюма
каплю сладости, какую
юркость хода образует...

№ 23

А идите вы к чертовой матери,
вместе и по отдельности,
в желтой повязке, как в ультиматуме,
заявляюсь к оракулу в Дельфы –
пифия занята, тонколодыжная
и пожилая, сидит на треножнике

и поднимающееся дыбом
вырезает из вечности ножницами.
Пейзаж за греков, как я за профессию
предсказателя – путь открыт,
и пленнику ситуации весело,
как условиям жесткой игры.
Аполлон, опрокинув лиру,
как стакан молока на стол,
обогастил мастерам палитру
переходом от сложного к простому.
Среди них естественно, как с собою;
подошли пастухи и еще какие-то,
не святилище, а дебош
со светильником – нас покинула
атмосфера фигового листка,
да и дождь собирается над храмом,
происходящее по вертикали
напоминает мне, что пора...

№ 24

Опускаются бамбуковые шторы,
над водой это звучит, как походка
в гамаке лежащего с приключенческим романом,
наблюдаю над дощатыми мостками пустое
место – видимо, ничто хохочет
и гримасничает.

Пробежала кошка, черный полдень на четырех
ногах,
человеческое отделилось и со стороны
присматривается –
тет-а-тет с ни что – рандеву с богами –
пыльный уличный примат
над балаганом.

Золотая ветвь ничто, как оливковая,
не отбрасывает тени, как статуя,
и застать ее на месте с поличным
все равно, что бить бровями в литавры.

Но ничто звенит, как муха оконная,
наделяя пространство равными правами –
знание прерывисто, как икота,
и растянуто в дороге, как караван.

Тело вышло встречать мою голову,
но не ту, которая на плечах,
а другую, которой ничто, как голод
среди бутербродов, поданных к чаю...

№ 26

один – зеркало – пространство – озеро – отражение
лодки – гром, нет – груша дозревает по инерции
и изгибает плоскость –

среди гробниц обломки колонн –
розовое поступает, как некто –
в тени выходного слоняется внешность –
расскажу историю двух любовников,
время действия пятнадцатый век,
Флоренция, дворик, зеленое и голубое,
трагедия предпочитает ровесников –
охрана памятников и междометий –
зеркало преломляет свет –
и среди оставшихся комплиментов
можно найти ночную цитату –
одинокость сильнее мужчины и женщины –
на отставшей от прошлого дистанции
мы развили скорость анфаса и профиля,
сжатых в песочные часы,
которые проступают ароматом роз,
играющих в прятки с именем –
бостанжогло рамирен э квос –
вода обнажается в стиле воздуха,
пафос и замысел, как собутыльники,
забивают козла под камфорным деревом –
если ты всего лишь один из тысячи,
можешь прикрыть наготу одеждой –
зеркало – это поверхность с автографом
и уходящими вглубь экскурсиями,
там не ждут, но всегда готовы –
сократ обращает каждую чашу цикуты –

толпы купаются и проходят строем в один,
образуя насыщенную идиллию
величиною в зрачок орла –
сверху сущее, как смола...

№ 27

Путешествие по здравому смыслу
в качестве и под черным флагом
освежает, как глоток кумыса,
включенный в сеть, как электролампа
в комнате, интерьер которой близок
к истине, как Леонардо к Моне Лизе –
если характер – рецензия на обстоятельства,
то жилище уходит от разговоров
молчит, как яма,
которую не роешь другому.

Небо щурится от удовольствия.

В соответствии с личной погоней
за – не секрет, но фонтан и тайна –
звук шагов раскрывается, как хризантема,
поднесенная в дар человеку, который картавит,
но внутри имеет точный критерий.

От стены к балкону и легкий бриз
левантийского происхождения – трудно

отыскать отменяющий маску ритм,
в то же время не замыкающий круг,
а дающий толчок – хорошо обожженный кирпич
выбирает голову, как искушенный знаток:
гороскоп, привычки, любовь к сосискам и пиву,
и будет ли из этой истории толк...

№ 28

Дважды два, уходя в четыре,
оставляют надежду на большее –
на веранде у Рауфа подзатыльники
раздает сам бог,
переходя на «ты»,
вид с горы на залив и долину
с его легкой руки неотъемлем от взгляда,
как черепаший ход от улитки
и свобода нравов от пляжа.
В кресле свидетель южной плоти
Даур с фамилией Санта-Мария,
переведенной в абхазскую плоскость –
прозаик, в котором живет на пари
лентяй и превосходный рассказчик,
он сам с себя, как вода, стекает
и превращается в шампанское.
На фоне холмов Адгур-художник
держит ногу и речь к собратьям –
нога на перилах, а речь уступает

дорогу эмоциям и мощным вздохам.
В целом компания по колориту
превосходит испанскую корриду,
с той лишь разницей, что на веранде
мы собрались не быка ради.
Но смысл ускользает, как невеста в спальню,
дело к ужину, как к сентябрю,
жара и засуха, жизнь копается,
как в прошлом Цезаря юный Брут.
С гостями нежен, свисает Рауф,
как с потолка золоченная люстра,
и натянувшееся пространство
всем присутствующим ставит плюс...

№ 30

Обалденнейшее удовольствие – ощущать
собеседника как процесс
ночных отражений воды и воздуха, блики и
исповедь
левого профиля в тайне от целого,
как бродяга, беспечно шастает имя,
забредая чуть дальше положенного,
вы один из, свой среди, проникающая насквозь луна,
два пустующих стула, малые страсти по освещению
темных пятен давней пословицы,
наш третейский судья невидим, нищ и наг –

только такому мы подчиняемся, черный пловец
исчезает вдали, ангел сбегает по лестнице
в нашу паузу и скрывается за углом,
шутка принята, в рамках дружеской лести
предаемся шахматной рыбной ловле.
Здесь сквозняк из ущелья и шелест пальм,
на соседних балконах оскомины от винограда,
и едва успеваю следовать за перепадами
настроения – от матового к розовой раковине,
поднесенной к уху, работаешь, как ювелир
ее величества тени, если вставить розу коту под
хвост,
без шипов, разумеется, и строго гипотетически,
в принципе изменяется весь статус-кво,
и собеседника восстанавливаешь, как картину,
по фрагменту – рябь на поверхности залива,
еле заметная в темноте, приближается к берегу,
выраженье лица отсылает к забытой калитке,
через которую осуществляется бегство,
кто быстрее и вернется назад с пучком крапивы –
пощекотать голубые пятки ночного вора,
он крадет нас у воздуха, как приглашает на пир,
где обходятся запросто без вина и без возгласов,
мы запутались и в друг друге, и в тонкостях общего,
и от луны ожидали большего – сверху виднее,
а она бросилась в нашу беседу, как в омут,
и корчит из себя летописца, влажного Нестора...

№ 31

Когда сфинкс признался, что он бездарь
и предпочитает наше время,
это были издержки цивилизации –
как невозможно дважды войти в одну реку,
так не стоит отождествлять себя с доносящимся
запахом,
но, от противного рассуждая,
видишь, как все мило и перевозданно.

Не физики шутят и не боги смеются,
что касается лириков – пусть отваливают подальше,
как Диоген в бочке, я устраиваюсь в июле
и времена года кручу, как педали,
оглянуться на сфинкса просто некогда –
из лица марширует жизненная сила,
и свобода на вкус, как истина в вине,
напоминает взнузданное спасибо.

Соло на собственном способе существования
развлекает достаточно долго. И преимущества
одинокой ходьбы по окрестностям хрустальной
вазы
известны создателю атональной музыки.

От единства противоположностей к лени и
созерцанию
бытия как ползущего мимо жука –

сфинкс привычней, если кормить его огурцами,
его нрав смягчится, и он обратится в камень,
вокруг которого будут стоять зеваки...

№ 33

...женская грудь в глубине ночного сада,
провинциальный секс отражает воздух
и крадущегося тихой сапой
черного ворона,
и второе сильное человек-смещение
ставит звук, как иглу, на плоскость речи,
развивается черный комплекс мишени
как свидетельство интереса;

от деревьев до вечности, как до самого,
но и здесь мужское весло в почете,
если до горизонта плыть за русалкой,
черное остается черным.

Сад разбросан по всей истории,
по песчаным дорожкам, почти взлетая –
совпадение тел подтверждает точность
взятой с древней плиты цитаты.

По образцу истомленной плоти
ночь других отправляет дальше,
тени бродят вокруг колонны,
звон цикад, словно желтая ложь,

уклоняющихся от свиданий,
тамариск, звезда и катарсис
по луне, а не по Аристотелю –
когда видимое в остатке
и от наслаждения стонет...

№ 34

Бобо мертва. Несчастливая Бобо.
Ее воспел бы Бродский, ныне поздно,
она мертва, а то, что будет после,
войдет в судьбу аустерлицким боем.

Бобо мертва, и этим Петербург
еще похож на города другие,
когда он тянет на весах, как гиря,
на бывшую столицу. Книжный бум

ему присущ, как нобелевский шарм
изысканной игре лауреата
в стиль человека и библейский акт
творения, который отрешает.

Но та Бобо, которая мертва,
не менее важна для этой сцены,
она следит за формой и фальцетом
тон задает и изредка зевает.

Нет ничего, что было бы вонне.
И смертью постигаешь это так же,
как оговоренным участием в атаке
на автора, меняющего внешность...

№ 35

В египетской, под старину, гостинице
валяюсь просто так, от удовольствия
продлить безделье и поднять престиж
существования с точки зрения сводников,
которые здесь стройны и глазасты,
как девочки времен Екклесиаста,
сам, кстати, он сидит на подоконнике
и говорит, что суета сует
ему однажды послужила для знакомства
с создателем всемирно-общей пьесы –
я требую подробностей, но он
задумчиво роняет с подбородка,
что как гипотезу он ценит ноо-
сферу, но вряд ли человеческому роду
удастся свою глупость приучить,
как комнатную собачонку.
В Каире скепсис не дешевле чисел,
символика спускается в нечетные,
как в ад за горькой мудростью, и в скобках
разводит комментарии, как пыль,

гостиница подходит мне по колеру,
но оставляет буквы, как копирка,
на той поверхности, что расчищаю
для неизбежной жизни и потуг.
Те крокодилы, что, как нильские мещане,
косятся на божественный поступок,
не знают, что дыханье опалает
на расстоянии любых тысячелетий –
движение руки эпистолярно,
событие наслаивает глянец
и проникает в обоюд, как лезвие...

№ 36

Глубоко европейская потребность ничего не
преувеличивать
лежала перед Музилом, как купание красного коня,
и мысль его изменялась, как климат,
в соответствии с содержанием.

 Подробности – это понятно,
но от целого тянет мистической дребеденью.
Сумерки выбегают на площадь гурьбою и натошак,
сам если преследователь, то и полный бездельник
в системе, где к выходу приглашают с вещами.

Но остальные проходят мимо глубокого
каждый день и с регулярность маятника,

коллекция неоткрытий спокойна и смотрит с любовью,
как на свернувшийся шар сморит прямая,
суть которой теряет иллюзии тут же, рядом.
И вполне естественно то, что непредсказуемо
и танцует сразу на многих стрелах движения,
среду и вестника охмуря,
все-таки автор должен быть очень везучим,
иначе он беззащитен, как раздетая женщина
перед дневной колесницей самопознания.

Выдержка одинакова.

Демокра становится тией без ложной скромности.

Страсть допускает множество толкований.

Взгляд и вектор прогресса одной породы.

К этой трапезе никого не звали,
но за пустым столом звенят диалоги.

Ниспадающий складками образ жизни
Так же глубок, как тенистый колодец.

Легкомыслие подтверждает темную живопись...

№ 37

Забывшись и цenia печаль, как флегму,
спускаюсь в сад.

Отсюда проще
подняться в воздух, чтобы тосковать
пространством и обычной лестью
прическу провидения взъерошить.

Сегодня все прелестно и неважно.

Молчу, как будто.

Если слезы лить
всегда считалось признаком и фоном
для совершающихся в истине трагедий,
сейчас уместно.

Вряд ли есть вдали
Хоть что-нибудь, что было бы и формой,
и содержанием для собственного
геростратического бега.

Пожалуй, я нуждаюсь не в победе,
а в одиночестве.

То мужество, которое банально,
как проведенные в объятых ночи,
имеет репутацию канальи

в глазах свидетеля – зайдя за угол,
и здесь находишь только дух и место
для совершения чужого утра.

Как в караван, сопутствуешь в обмен.

Печальное не ищет совершенства,
хоть и томится. Признаюсь в себе,
как в озере.

Прозрачное клише
Трепещет над поверхностью, но бестолку...

№ 38

А если плащ раскинуть и в пустыне
не быть – я говорю о том
обыкновении, когда крутые
меры вполне. Я или надпись «стой» –
что действеннее в этой глухомани
для статуи слепого командора,
который отрицает путь вниманья.

Однако мир наш очень молодой
и потому еще доверчив.

Опыт страсти
записан на стене монастыря,
хранящего тысячелетний прах
безумца – говорят, он был кудряв,

и стройность его бедер украшала молитвы дев,
все может быть; отшельник и красавец,
он тридцать восемь лет провел под деревом,
пытаясь удержать течение жизни
перед собой – вдруг выпадет в осадок
или еще какая неожиданность,
но только вечность иногда мерцала
над горизонтом, словно чей-то кукиш,
не для него, конечно, специально,
а вероятнее всего, от скуки.

Нам не грозит такое постоянство.
Ночная бабочка ему закрыла взгляд,
как вход. Но он сыграл не в ящик,
а в обстоятельства и силу фитиля.

Пустыня тоже и молчит, как ищет.
Перемещаясь с помощью пространства,
я в долг беру не только у своих,
и здесь идет по-крупному игра...

№ 39

Вино, приправленное розмарином,
к столу подали на закате, было
семь человек, и в хвост, и в гриву
гоняли слово.

По обычаю
хозяйка дома оставалась невидимкой,
хоть и сидела рядом.

В знак присутствия
ее бокал был полон до краев.
Вино переходило в парадигму.
Бесстрастным оком сена и абсурда
двойник мой диалоги завоевывал
и отсылал для объяснений в тень.

Забавно, для житейских наблюдений
простор необязателен. По теме
гуляют, как по парку и везде.

Найдя большой общественный язык,
объем законодательной фарцы
послали, как освоили азы.

Движение за окном зациклилось.

Гостям пришелся молодой фундук,
слегка подсушенный на сковородке.
Необходимость вздрогнуть и задуматься
возникла за спиной, как дорога.

Сейчас кудрявится, как золотая шерсть.
За счет руна неплохо бы проникнуть
в завидную способность рикошета
раскачивать, как обезьяна, нишу...

№ 40

Комплимент – оружие сильных в плоскости дан,
светлое настигает объемных и середину,
и в отверстие происходящего льется вода,
потому что полдень наступает в одиннадцать,
как эпоха на ногу даме в черном.

Редкий случай – в кофейне слышен глас
вопиющего не в пустыне, так по соседству,
так проходит мирская слава
в воскресенье.

Но из тех, что которые и навсегда,
крайние обозначены легким пунктиром,
что любой компании в общем-то свойственно:
публи высмеивает стиль и обладание
нимфы сатиром,
потому что оба падают в осень.

Сюжетности не хватает, но остается
средство, ведущее прямо к цели,
астры пахнут и жаждут сказать свое
с твердым знаком в конце.

Освободите и будьте внимательны.
Парадокс идет в рай не по знакомству,
просто ему к лицу та самая мания
то ли величия, то ли археологических раскопок...

№ 41

Сухумское должно быть величаво.

Ставлю мировоззрение, как голос,
за полчаса обмена новостями.

Страна, как Афродита, не скучает.

На авансцену выходит априорный гомо
как сапиенс, так и блестящий.

Владелец тяжести из самых неизвестных
среди.

Обычно мы не настолько заняты собой,
чтоб не заметить страсть к своей персоне –
по логике призыва и ответа
организуется воронка сборищ
и распускается бутон особенного.

Чем дальше, тем особенней и в прелесть.
Среда отзывчива и роль наперсника
играет с неподдельным интересом,
как будто ей под хвост вложили перца –
страсть к сочетанию лица с лимоном,
то есть эмоций и самоиронии,
ей представляется благой возможностью
избавиться от всякой роли...

1989

И, наконец, вечерняя прохлада. А то мы опупели от жары.

Что жить, что нет – без разницы, цикады все пилят, обнажая тишину.

Власть путешествий отступила к бою. Отпущен на свободу и открыт

для посещений день нынешний и день минувший, то есть четверг. Бродяжничество осмыслено как философский термин

и лампа для занятий. Пафос розового масла включен в структуру постзакатной тени.

Свет отрицает геометрию в честь мистики математики –

от единицы аромат неповторимости и флирта с нулями, рвущимися в бесконечное...

Раздельно или слитно:

красота-формирует-лошадь-как-мускулистое небо...

1991

То, что я вижу ногами, так же проблематично –
ночь обнажает мужчин и женщин способом от себя,
логика спит с афоризмом, вечность грустит, но
в меру.

Вакханалия, как и свобода, обязана
к серо-розовой необходимости – улыбка и флокс,
беспечный укол зонтиком,
тепло,
фокстрот превращается в золото,
ритмичную плавающую валюту.

Так, может, сейчас полдень?
Если я путаю время суток,
значит, я ухожу в люди,
как отшельники – в строгий пост.

Apple-дисменты в честь рассудка.

Из-за угла и в двух экземплярах
появляется некто знакомый –
жди теперь, пока сущее вновь уляжется,
человек, как меч, вонзается глубоко...

1991

Благосклонность жизни и ее ленивая грация
забавляют не меньше,
чем хаос, в котором можно
стать козлом отпущения. Человек эротически
грамотен,
если знает, как пить коньяк с лимоном
и зачем амазонкам отрезали правую грудь.
Стоп – и внутри неоконченного стихотворения
Почему бы не выйти на улицу: то есть наружу
(в «роже» о меняют на у, как круг на рогатку),
наплевать, что дневное снова дает крен,
общий силуэт достаточно «элегант».
Ходят люди, пальмы стоят в избытке, торговля
средне,
Ничего не понятно, но ясно как на ладони,
что любой предмет самому себе предан
и в своем велик, можно было не выходить из дома.
Но привычка жизни умалчивать

смотрится

вызывающе –
залепить ей пощечину, чтобы вызвать на
откровенность!
Кто же из нас все-таки варвар –
у меня человеческий срок, а у нее – вечность...

1991

В Венеции такая же погода, как в желании
послать подальше суету и затвориться
в гостинице – обслуга столь галантна,
что не тревожит, хоть умри.

В гондолах сыро, в людях неуютно,
на площади святого Марка пятница.
Вместо валюты черный юмор,
пронзающий до пят.

Один из графов, сохранивший имя,
как девственность, работает фотографом –
на снимке, видимо, одна из данайд,
идуших к бочке, но с моей восточно-
европейской ленью.

Вот тут и начинается фонтан –
жизнь все бездоннее и отступает вглубь,
так называемая суета
закономерность тянет в случай –

вышли двое,
один в перчат-
ках, другой с женщиной, дельцы общего рынка и
стиля, стоят
посередине улицы, как автомобили, нежная кожа
западной
свободы, мимо идет голубь, жирный и мускулистый,

и ждет
туристов. Рожденных крошить хлеб в отпуске.

Я из той же породы двуного-красивых,
пропускаю туман, как процессию единоверцев,
этот город надменен и лишку пассивен,
как задумавшийся во сне человек,
сам на себя упавший сверху...

1991

Меня всегда сводила с ума чужая жизнь,
ее реальность вне очевидного и, тоскуя,
освящает своим присутствием кутежи,
на которых красиво и временами вкусно.
Подойдя вплотную к реке и ее свечению за
кустами,
вижу трех купальщиц и общение между ними –
три души молчат, как исполненный телом танец,
но без зрителей, то есть непроявленный снимок.
Подношу свой взгляд, как спичку к сухой бумаге,
проступают огонь и вокруг неясные тени,
отдаленный шум, я спускаюсь в ремарку,
словно автор за Эвридикой.

Но здесь мне тесно.

Равновесие составляющих – аромат и плоть
аромата,
расхождение запаха по шкале горячего прошлого,
настоящее трех купальщиц надевает зрячую маску
и подносит мне темно-красную розу...

1990

В пурпурной тени полдня, свалившегося с луны,
жарю засохший хлеб и варю яйца –
жизнь ползет божьей коровкой по краю стола,
сосед внизу учит младшего внука не ныть,
ободрав коленки, а громко смеяться,
чтобы боль превратилась в янтарь и шоколад.
Его мудрость завариваю, как чай,
и подношу к губам – почти напиток богов,
пытаюсь делиться им с инжиром и горизонтом,
подлетает пчела и вроде бы невзначай
опускает свой хоботок в мой зрачок – ого,
ей нужен ментальный нектар! Резонно,
сделать летний мед из моего взгляда –
задача достойная, я только за,
мой взгляд протяженностью более полувека,
столько впитал, что стирает любой симулякр
в пыль, освежая сущность, затюканную в казарме
afterпостмодернизма.

И потом даже не смежаю веки...

2013

Строка не охраняет своих границ
и дразнит автора – но в зеркале
одно лицо. Пока лишь память автора хранит
гордячку. Забуду, и в момент померкнет
ее дразнящая краса – никто не вспомнит,
как она сияла в вечернем сумраке.
Придется ей таскаться по миру
с протянутой рукой и умничать,
чтобы привлечь внимание. Хрен с маслом!
Все заняты собой. Она мелькнет опять
в моем сознании, но будет смазана
толпой других – хочу совет ей дать:
не будь ленива, как Венера, рожденная из пены,
хватай сейчас же автора за глотку
и требуй воплощенья.

Постепенно
приучишь эту тварь садиться в лодку
и отплывать от берега, как только
у музы дрогнет бровь.
Да, будь со мной жестока,
как любовь.

2013

Сидим на корточках друг против друга и смотрим –
жизнь тысячеока, меняет лица. Время и
пространство,
а у меня близорукий человеческий взгляд-моно.

Поединок взглядов. Ее веселит мое упорство и
разница
наших возможностей. Я надеваю ее улыбку, как
парус на мачту.
Человек своей жизнью считывает черно-белый
набросок судьбы.
Воробей наклеивает меня, как марку,
на конвертируемый способ быть-не быть.

Сидим час, второй и третий. Она выставляет вперед
природу,
я молчу. Из последних сил обнажаю общее.
Она пытается мной репетировать главную роль,
я поглощаю ее, как поверхность озера.

Взгляд уже исчерпал свою силу и смотрит внутрь,
словно там отражается истинная мишень,
что плетет венки, чтобы с ними пойти ко дну.
Мы не любовники, но близки к кровосмешению...

1991

Содержание

«В неистребимости есть ястреб и битва...»	5
«Структура часа, прожитого мною...»	6
«Моя ночная репутация блестяща...»	9
«Конец декабря, византийские позы приезжих...»	11
«Утаившие пядь знакомства...»	13
«Мне не хотелось продолжать беседу...»	14
«В естественных условиях кофейни...»	15
«Год кипарисового плена...»	16
«Вернувшись из Москвы к заливу и привычкам...»	17
«Дождь в кипарисы, две ступени вниз...»	19
«Голова трещит, как последняя сволочь...»	20
«По ночам, когда большие неподвижные жуки...»	21
На берегу Малой Рицы	22
«Скульптурно оформленная личная жизнь...»	23
«Потерпев задумчивость, как кораблекрушение...»	24
«Кипарис и лавровишня овладели этим садом...»	25
«Когда ты превращаешься в легенду...»	26
«На губах моих светятся поцелуи...»	27
«Как я могу уйти, не насладившись твоей душой...»	28
«Жизнь кончилась...»	29
«Тот смех завис, как барельеф над нишей...»	30
«Напитай меня своей тоскою...»	31
Автопортрет, 1988	32

«Смеющиеся виноградины...»	35
Женщина-полдень	36
«Структура дней прекрасна и нетленна...»	37
«В итальянских хрониках Стендаля...»	38
Прогулка в одиночестве	39
Тоскливое, в дождь	41
«С точки зрения литературного немецкого языка...»	42
«Помешайтесь на справедливости...»	43
«Полторы недели тоски и блаженства...»	44
Любовные прогулки. Поэма	46
Период двух-двоих. Неоклассика в белом	63
Тайная вечеря	71
На террасе кофейни «Амра»	72
«Жизнь кончилась, и дождь пошел...»	74
«В тени. Конкретика двойного смысла...»	75
«Ночных дождей так много в это лето...»	77
«Ни слова, ни дыханья... В знойной хижине...»	78
«Он взял нож и ударил себя в сердце...»	79
«Тени черного и белого ищут портретное сходство...»	81
«Я веду такой легкомысленный образ смерти...»	82
«В темноте и сплошном одиночестве...»	84
«Борьба двух атлетов...»	85
«Игры с лицом...»	87
«К вечеру погоня за женщинами...»	93
«Когда в середине лета ты сталкиваешься с государством...»	95
Ближневосточные позы	96
«Услышав за спиной горячее дыхание Катулла...»	98
«Когда я Вас не вижу, Вы доступней...»	99
«О, как мы долго праздновали...»	100
«Летом мне ближе скрипка Энеску...»	101
«Покоя, красоты и спелых слив...»	102
«Год откровенных, рнящих потерь...»	103

Вечерний лабиринт	104
«Опять лето...»	107
«Молчание, как индеец...»	109
«У Ваших ног такая тишина...»	110
«Родиться в Новгороде, вырасти на юге...»	111
«Престранное раздрызганное лето...»	112
«Население твоего лица разнаязычно...»	113
«Сегодня обедали на берегу...»	114
«Сухая солнечная погода дразнит опытом бессмертия...»	115
«Засыпаю, и вдруг на мою подошву...»	116
«Не тороплюсь, почти не отличаюсь от жизни...»	117
«Грустно до положения риз и плодотворно...»	118
«На берегу моря...»	119
«Он делал свое египетское дело...»	120
«Горячо, как в собственном динамическом стереотипе...»	121
«Мы оба знаем, в чьей тиши любовь осторожна...»	122
«В русле устоявшейся духовной традиции...»	123
«В одну из упоительных суббот...»	124
«Одические песнопения...»	125
«Стрела, летящая днем...»	126
«Несколько лет прошло после отказа от иронии...»	127
Тоска по совершенству. Поэма	128
Абстрактный цикл	148

Венедиктова Надежда Юрьевна

**Вожделение интеллекта
к яблоку...**
Стихотворения

Редактор *Даур Начкебия*
Художник *Архип Лабахуа*
Верстка *Наала Картозиа*

Формат 70x100 1/32. Тираж 300.
Физ. печ.л. 6,25. Усл. печ. л. 8
Заказ №.

